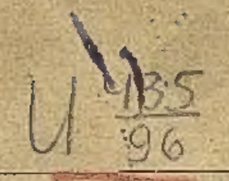

1854—1864.

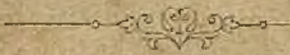
КАВКАЗЪ И ЕГО ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

Н. Н. Муравьевъ, кн. А. И. Барятинскій и гр. Н. И. Евдокимовъ.

1854—1864 гг.

Очеркъ генерала Кравцова.

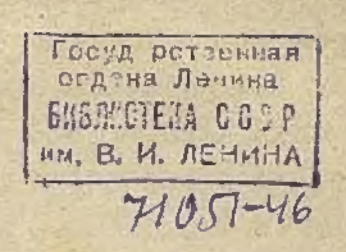
[„Русская Старина“ 1886 г., кн. 6 и 7].

Спб. 1886

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 Іюня 1886 года.
Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., № 78.

КАВКАЗЪ И ЕГО ВОЕНАЧАЛЬНИКИ

Н. Н. Муравьевъ, кн. А. И. Барятинскій и гр. Н. И. Евдокимовъ

1854 — 1864 гг.

I.

Въ одной изъ главъ своихъ кавказскихъ воспоминаній генер. отъ инфантеріи М. Я. Ольшевскій касается трехъ лицъ: князя А. И. Барятинскаго, генерала Н. Н. Муравьева и графа Н. И. Евдокимова (см. „Русскую Старину“ 1880 г., кн. II).

Съ глубочайшимъ вниманіемъ и нѣсколько разъ прочиталъ я упомянутую статью. Какъ очевидецъ, по службѣ стоявшій недалеко отъ высшаго начальства, а слѣдовательно видѣвшій и знавшій многое изъ того, что происходило въ послѣдній періодъ Кавказской войны, я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько поясненій къ тому, что сказалъ о помянутыхъ лицахъ генералъ Ольшевскій и что мнѣ лично хорошо извѣстно.

Вполнѣ и безусловно присоединяюсь къ мнѣнію автора о покойномъ и незабвенномъ на Кавказѣ князѣ Александрѣ Ивановичѣ Барятинскомъ, горячо любимомъ всѣми войсками и на-леніемъ. Какъ полководецъ, онъ вполнѣ оправдалъ возложен-ое на него горячо любившимъ его монархомъ порученіе о по-ореніи Кавказа и оказанное ему полное довѣріе. Ему безусловно -ипадлежитъ въ исторіи самое видное мѣсто въ дѣлѣ покоренія -его Кавказа.

Мнѣ показалось нѣсколько страннымъ, что почтенный авторъ -лится увѣрить кого-то, будто сомнѣвающагося въ томъ, что

планъ покоренія восточной части Кавказа принадлежалъ князю Барятинскому. Смѣю полагать, что усиліе это напрасно, такъ какъ изъ современниковъ никто въ этомъ не сомнѣвался. Есть еще въ живыхъ нѣкоторые изъ кавказскихъ генераловъ, утверждающіе, что когда осенью 1856 года князь Барятинскій ѣхалъ изъ Петербурга на новый постъ главнокомандующаго въ г. Тифлисъ, р. Волгою и Каспійскимъ моремъ, онъ вызвалъ съ лѣваго крыла кавказской линіи генерала Евдокимова въ г. Темиръ-ханъ-шуру и тамъ былъ рѣшенъ имъ въ главныхъ чертахъ планъ покоренія восточной части Кавказа при дѣятельномъ участіи послѣдняго. Это признавали естественнымъ, такъ какъ Евдокимовъ зналъ тотъ край лучше, чѣмъ баронъ Врангель, командовавшій въ немъ войсками и присутствовавшій на совѣщаніи, да и самъ князь Барятинскій, а свѣтлый умъ Николая Ивановича давно уже изучилъ какъ сильныя, такъ и слабыя стороны непріятеля, что все вполнѣ было извѣстно и князю Барятинскому.

Затѣмъ, выполненіе этого плана вообще, особенно въ самой трудной его части, а именно: въ покореніи Большой и Малой Чечни, въ занятіи съ боя, съ неимовѣрными трудностями, длиннаго и почти неприступнаго Аргунскаго ущелья, въ которомъ, во многихъ мѣстахъ, по словамъ графа Евдокимова, мною отъ него слышаннымъ, приходилось взрывать скалы и расчищать путь для движенія войскъ съ артиллеріею и обозомъ; потомъ, во взятіи штурмомъ укрѣпленной резиденціи Шамиля—аула Веденя, чѣмъ было нанесено Шамилю окончательное пораженіе и въ дѣйствительности лишило его власти и вліянія на горцевъ, а также въ дальнѣйшемъ движеніи за бѣжавшимъ Шамилемъ въ Дагестанъ, что все такъ рельефно и подробно описано генер. Ольшевскимъ,—принадлежало безусловно уму, энергіи, желѣзной волѣ и непоколебимой твердости графа Евдокимова — это всѣмъ современникамъ было вполнѣ извѣстно, также какъ и то, что все это признавалъ и самъ князь Барятинскій, исходатайствовавшій Евдокимову необыкновенныя награды, а именно: орденъ св. Георгія 3-й степ., брилліантовые знаки ордена св. Александра Невскаго, званіе генералъ-адъютанта, золотую саблю съ алмазными украшеніями и, наконецъ, графское достоинство.

Въ высочайше утвержденномъ гербѣ новопожалованному графу изображены въ щитѣ: на правой сторонѣ, въ красномъ полѣ,

полуразрушенная батарея, а на лѣвой, въ голубомъ полѣ, золотая земледѣльческая борона. Щитъ съ лѣвой стороны поддерживаетъ филинъ, а съ правой—черкесъ въ полномъ вооруженіи, имѣя въ правой рукѣ значекъ, на красномъ полѣ котораго изображено лѣвое орлиное крыло, внизу же щита, на красной лентѣ, самъ покойный государь соизволилъ начертать девизъ: „съ бою", означавшій полученіе графскаго достоинства съ бою.

Извѣстно, что Веденъ былъ взятъ 1-го апрѣля 1859 года, чему исполнилось 25 лѣтъ 1-го апрѣля 1884 года. Вдова графиня Александра Александровна Евдокимова пожелала освятить память этого, въ свое время важнаго, событія, приношеніемъ къ стопамъ государя императора поздравленія съ тогдашнимъ успѣхомъ нашего оружія. На это военный министръ прислалъ ей телеграмму слѣдующаго содержанія:

— „Письмо ваше я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше представить государю императору. Его величество поручилъ мнѣ благодарить васъ за поздравленіе по случаю двадцати-пяти-лѣтней годовщины взятія Веденя и изволилъ при этомъ съ благодарностію вспомнить о герояхъ Кавказской арміи, которые, подъ предводительствомъ покойнаго вашего мужа, прославили въ этотъ день русское оружіе однимъ изъ достославнѣйшихъ подвиговъ".

Возвращаясь къ упомянутому проекту князя Барятинскаго о покореніи восточнаго Кавказа, я долженъ сказать, что всѣмъ извѣстно, что отъ составленія самыхъ прекрасныхъ и основательныхъ плановъ до ихъ выполненія — разстояніе весьма большое, такое большое, что нерѣдко эти планы остаются безъ всякихъ послѣдствій, а отъ неумѣлаго ихъ исполненія даже происходитъ большой вредъ. Примѣровъ тому военная исторія представляетъ не мало. Хотя почтенный авторъ въ своей статьѣ видимо желаетъ ослабить значеніе важныхъ и трудныхъ подвиговъ графа Евдокимова ссылкою на дѣлаемыя ему будто-бы изъ Тифлиса бумажныя указанія и на выраженное яко-бы неудовольствіе со стороны князя Барятинскаго за медленныя дѣйствія, въ чемъ можно и не сомнѣваться, такъ какъ подобныя, весьма трудныя, предпріятія и не могутъ достигаться съ такою быстротою, какая казалась возможною въ Тифлисѣ, а не на мѣстѣ дѣйствія, съ почти неодолимыми преградами, представляемыми самою природою и отчаяннымъ и упорнымъ сопротивленіемъ не-

пріятеля, боровшагося за свою жизнь; однако, все это, тѣмъ не менѣе, не можетъ умалить подвиговъ графа Евдокимова, разъ, что онъ выполнилъ планъ и вполнѣ достигъ предположенной цѣли, то всецѣло и относится къ нему лично и къ войскамъ, имъ предводимымъ. Есть еще въ живыхъ современники этого событія, которые утверждаютъ, что безъ Евдокимова князь Барятинскій никогда бы не достигъ такихъ блестящихъ и рѣшительныхъ результатовъ въ покореніи восточнаго Кавказа, потому что другаго такого генерала, какъ Евдокимовъ, по уму, энергіи, твердости характера и умѣнью выполнять подобныя предпріятія, въ распоряженіи князя Барятинскаго не оказывалось.

Въ высочайшей грамотѣ на имя графа Евдокимова, 17-го апрѣля 1859 года, сказано:

„Двухлѣтніе безпримѣрные труды храбрыхъ войскъ лѣваго крыла Кавказской линіи побѣдоносно увѣнчались взятіемъ сильно укрѣпленнаго аула Веденя. Овладѣніе этимъ мѣстомъ, которое, въ теченіи 14 лѣтъ было пребываніемъ главнаго предводителя непокорныхъ намъ горскихъ племенъ,—упрочиваетъ пріобрѣтенные оружіемъ нашимъ успѣхи во вновь завоеванной странѣ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была доселѣ главная опора враждебной намъ силы, возводится нынѣ штабъ-квартира Куринскаго пѣхотнаго полка. Относя столь отличное выполненіе предводительствуемыми вами войсками предначертанной для нихъ цѣли военныхъ дѣйствій къ боевой вашей опытности и превосходной воинской распорядительности, я пожаловалъ васъ, за взятіе Веденя, кавалеромъ ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія 3-й степени, и въ воздаяніе долговременной, отлично боевой службы вашей на Кавказѣ и важныхъ воинскихъ заслугъ, сему краю оказанныхъ, возвелъ васъ указомъ, сего же числа правительствующему сенату даннымъ, въ графское Россійской имперіи достоинство съ нисходящимъ потомствомъ“.

Нужно еще прибавить, что изъ современныхъ графу Евдокимову генераловъ, по происхожденію и по образованію выше его стоявшихъ, по признанію самого князя Барятинскаго, ни одинъ не соотвѣтствовалъ для выполненія его столь труднаго плана. Смѣю надѣяться, что съ этимъ согласится и самъ почтенный авторъ, генер. Ольшевскій. Заслуга князя Барятинскаго становится тѣмъ болѣе важною, что онъ не только составилъ основательный планъ, но и умѣлъ выбрать для выполненія его способнаго генерала, что не всегда и не всякому главнокомандующему удавалось.

Князь Барятинскій и графъ Евдокимовъ, одинъ — потомокъ древней великокняжеской династіи, а другой сынъ—крестьянина,

взятаго по набору въ службу и дослужившагося оберъ-офицерскаго чина, изъ чего, однако, нѣтъ никакого повода презрительно называть его человѣкомъ будто-бы темнаго происхожденія, какъ то дѣлаетъ, къ прискорбію, авторъ,—были оба чисто-русскіе люди и сослужили великую службу своему отечеству, покоривъ ему весь обширный сѣверный Кавказъ, равный многимъ изъ царствъ земныхъ, отдѣльно взятыхъ. Этимъ намъ, русскимъ, тѣмъ болѣе слѣдуетъ гордиться, что мы обязаны такимъ великимъ подвигомъ своимъ кровнымъ русскимъ героямъ, а не иноземнаго происхожденія. Изъ этихъ героевъ первый былъ представителемъ царской власти, а послѣдній—представителемъ того твердаго и незыблемаго гранитнаго фундамента, который называется русскимъ народомъ и изъ среды котораго вышли его герои-подвижники славы и величія дорогаго нашего отечества.

Дождутся-ли когда историческіе дѣятели на Кавказѣ—князь Барятинскій и графъ Евдокимовъ—постановки памятниковъ, достойныхъ ихъ великихъ дѣлъ — сказать трудно. Оба они при жизни своей имѣли такъ много завистниковъ и враговъ, изъ коихъ не мало еще понынѣ здравствуютъ; оба они такъ недавно еще сошли въ могилу, что безпристрастная оцѣнка ихъ заслугъ пока невозможна, такъ какъ ненависть къ нимъ, особенно къ послѣднему, очевидно, еще и доселѣ далеко не остыла.

Изъ лицъ, недавно писавшихъ о графѣ Евдокимовѣ, М. И. Венюковъ полагаетъ поставить ему памятникъ за Лабою на Фарсѣ, а г. Зиссерманъ—въ Веденѣ или въ г. Грозномъ, гдѣ нанесено имъ Шамилю окончательное пораженіе. Это мнѣніе болѣе основательное. Но принимая во вниманіе, во-первыхъ, что указанныя мѣста довольно глухія, мало кѣмъ изъ Россіи посѣщаемыя, а во вторыхъ, что западный Кавказъ покоренъ имъ самостоятельно, по собственному своему плану, кажется мнѣ приличнѣе поставить ему памятникъ въ г. Пятигорскѣ, какъ центральномъ пунктѣ на сѣверномъ Кавказѣ, куда стекаются посѣтители на минеральныя воды со всей Россіи и гдѣ находится его могила на видномъ мѣстѣ у соборнаго храма, какъ ниже описано. Что касается князя Барятинскаго, то ему всего приличнѣе поставить памятникъ въ городѣ Тифлисѣ, на лучшемъ и видномъ мѣстѣ, а именно: на Гунибской площади, наименован-

ной такъ въ память плѣненія княземъ А. И. Барятинскимъ Шамиля на горѣ Гунибѣ. Такъ думаютъ многіе изъ старыхъ соратниковъ князя Барятинскаго.

II.

О генералѣ Муравьевѣ М. Я. Ольшевскій въ Запискахъ своихъ, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ", такъ выразился: „Болѣе же всѣхъ радовались (увольненію Муравьева и назначенію князя Барятинскаго) служащіе, которые подавлены были холодною надменностью и непомѣрнымъ упрямствомъ Н. Н. Муравьева". Далѣе продолжаетъ: „Въ октя́брѣ оба главнокомандующіе ѣхали по разнымъ направленіямъ. Старый выѣхалъ изъ Ставрополя тихо, скромно, безъ малѣйшаго сочувствія со стороны своихъ подчиненныхъ; самъ же онъ покидалъ Кавказъ съ сожалѣніемъ, какъ честолюбецъ, лишающійся такой огромной власти и почестей".

Будучи въ то время дежурнымъ штабъ-офицеромъ бывшаго Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, я самымъ положительнымъ образомъ удостовѣряю, что выше сказанное авторомъ объ отъѣздѣ Н. Н. Муравьева изъ Ставрополя ошибочно; утверждаю это тѣмъ съ большимъ основаніемъ, что я лично принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ встрѣчѣ въ Ставрополѣ и въ проводахъ изъ него Н. Н. Муравьева съ семействомъ. Напротивъ, Н. Н. Муравьевъ былъ встрѣченъ въ Ставрополѣ и провоженъ изъ него, чрезъ день, до селенія Московскаго, за 30 верстъ отъ города, съ полнымъ сочувствіемъ и почетомъ.

При пріѣздѣ въ городъ, его встрѣтили: многочисленное городское общество, съ городскимъ головою, съ хлѣбомъ-солью, а также всѣ военные и гражданскіе чины и наличные дворяне съ губернскимъ предводителемъ, при чемъ былъ поставленъ у квартиры его почетный караулъ съ музыкою. Послѣ пріема, тутъ же предводитель дворянства и городской голова, отъ имени своихъ сословій, обратились съ просьбою къ Николаю Николаевичу удостоить принять отъ нихъ на другой день парадный обѣдъ, въ честь его, въ залахъ дворянскаго собранія, чтобъ проводить дорогаго гостя, по русскому обычаю, съ хлѣбомъ-солью. Николай Николаевичъ, видимо тронутый такимъ вниманіемъ,

съ удовольствіемъ изъявилъ на это согласіе. Въ этомъ обѣдѣ приняли участіе: губернаторъ генер.-лейт. Волоцкой, атаманъ линейнаго войска генер.-маіоръ Рудзевичъ и всѣ бывшіе въ городѣ военные и гражданскіе чины, а также много купечества и дворянъ, такъ что за столъ сѣло не менѣе трехсотъ персонъ.

Николай Николаевичъ пріѣхалъ къ обѣду съ супругою и двумя дочерьми дѣвицами; его встрѣтили у парадная подъѣзда: губернаторъ, атаманъ, губернскій предводитель дворянства и городской голова, съ хоромъ музыки, заигравшей маршъ. За обѣдомъ было выпито не мало тостовъ за здоровье дорогаго гостя и его семейства съ самымъ сердечнымъ пожеланіемъ ему добраго здоровья и счастливаго пути; при чемъ выражалось непритворное сожалѣніе о томъ, что онъ такъ скоро оставляетъ Кавказъ, такъ какъ всѣ благомыслящіе люди русскіе ожидали отъ Муравьева, какъ государственнаго мужа обширнаго ума и высокихъ нравственныхъ качествъ, по окончаніи войны, много полезнаго для этого богатаго и обширнаго края. Обѣдъ длился долго. По окончаніи его, всѣ бывшіе за столомъ встали съ своихъ мѣстъ и большою толпою почтительно проводили Н. Н. съ семействомъ до экипажа. Вечеромъ въ городѣ была иллюминація съ вензелемъ Муравьева. Предъ самымъ отъѣздомъ послѣ обѣда, къ Николаю Николаевичу обратился городской голова и всѣ бывшіе на обѣдѣ купцы съ просьбой принять отъ нихъ, на другой день, обѣдъ въ селеніи Московскомъ, за 30 верстъ отъ города по почтовому московскому тракту, а всѣ прочіе поддержали эту просьбу заявленіемъ, что они всѣ желаютъ проводить дорогаго гостя до того же селенія. Николай Николаевичъ съ видимымъ удовольствіемъ на все это изъявилъ свое согласіе. Къ отъѣзду Н. Н. Муравьева были вытребованы изъ ближайшихъ станицъ четыре казачьихъ сотни 3-й ставропольской бригады, съ своими офицерами, въ полной парадной формѣ и съ развѣвающимися сотенными значками; утромъ, въ день отъѣзда Н. Н. изъ Ставрополя, эти сотни были выстроены предъ его квартирою, къ которой собралось не менѣе тридцати разныхъ экипажей, открытыхъ колясокъ, фаэтоновъ, тарантасовъ и просто перекладныхъ, въ которыхъ сидѣло по нѣсколько человѣкъ, собравшихся провожать Н. Н. до селенія Московскаго. День былъ теплый, осенній, солнечный, великолѣпный. Весь этотъ кортежъ, за двумя

экипажами Муравьева, изъ коихъ въ одномъ легкомъ дорожномъ фаэтонѣ сидѣлъ самъ Н. Н., а въ другомъ, каретѣ—помѣщалась его супруга съ дочерьми, двинулся въ путь въ 9 часовъ утра. Какъ извѣстно, отъ г. Ставрополя до селенія Московскаго дорога идетъ по возвышенному горному плато, совершенно ровному, и была на ту пору сухая. Какъ только обогнули лѣсную вершину р. Ташлы, Холодный родникъ, верстахъ въ трехъ отъ города, казаки начали джигитовку съ стрѣльбою и продолжали ее, съ разными варіаціями и малыми перерывами для отдыха, до самаго селенія Московскаго.

На половинѣ пути произошелъ было не совсѣмъ пріятный случай. Во время разгара джигитовки, одинъ казакъ неподалеку отъ экипажа Н. Н. скакалъ во весь карьеръ. Вдругъ лошадь споткнулась о какой-то выдавшійся изъ земли камень и полетѣла чрезъ голову, а съ нею, конечно, и всадникъ, котораго она вдобавокъ еще придавила при паденіи. Всадникъ оказался безъ чувствъ. Экипажи Муравьева и всѣхъ другихъ остановились. Многіе бросились къ упавшему казаку, лежавшему распростертымъ на землѣ. Николай Николаевичъ неторопливо вышелъ самъ изъ экипажа, приказалъ раздѣть казака, досталъ изъ боковаго кармана своего сюртука ланцетъ, который онъ, повидимому, постоянно носилъ съ собою, открылъ казаку съ одной руки собственноручно кровь; чрезъ нѣсколько минутъ человѣкъ очнулся и открылъ глаза.

— „Ну, теперь опасности нѣтъ; можно ѣхать далѣе“,—сказалъ Муравьевъ, и весь кортежъ двинулся далѣе, а казакъ оставленъ былъ на попеченіе пяти его товарищей, доставившихъ его благополучно домой, безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій, благодаря своевременно открытой крови.

По пріѣздѣ въ селеніе Московское, гдѣ уже были накрыты столы къ обѣду, въ довольно просторномъ домѣ одного обывателя, а частію на дворѣ, на открытомъ воздухѣ, вблизи самаго дома, всѣ тотчасъ разсѣлись по мѣстамъ. Обѣдъ прошелъ съ тѣми-же тостами и сердечными изліяніями къ отъѣзжавшему и его семейству, какъ и въ Ставрополѣ. Наконецъ, обѣдъ кончился; всѣ встали съ мѣстъ, и кромѣ губернатора, атамана и предводителя дворянства, съ которыми Н. Н. простился въ комнатѣ, всѣ прочіе выстроились на дворѣ въ одну линію. Муравьевъ

вышелъ изъ дома, обошелъ всѣхъ провожавшихъ, благодарилъ за вниманіе и расположеніе къ нему нѣкоторыхъ, ближе ему извѣстныхъ, обнималъ и цѣловалъ, другимъ просто подавалъ руку.

Затѣмъ, прощанье кончилось, Муравьевъ съ семействомъ сѣлъ въ экипажи, еще разъ снялъ шапку, раскланялся со всѣми, снова благодарилъ за радушные проводы и, наконецъ, сказалъ:

— „Еще разъ прощайте! теперь я поѣду въ Россію уже какъ частный человѣкъ“.

Экипажи двинулись, а мы всѣ закричали дружно и продолжительно: ура!

Вотъ какъ выѣхалъ изъ Ставрополя Н. Н. Муравьевъ.

На сѣверномъ Кавказѣ многіе его любили за его правду и прямоту характера, чисто русскіе, тогда какъ въ Закавказскомъ краѣ, облагодѣтельствованномъ его предмѣстникомъ разными широкими милостями, напротивъ, относились къ нему холодно по той простой причинѣ, что Муравьевъ на подобныя милости былъ очень скупъ...., а былъ онъ скупъ потому, что съ народными деньгами, именуемыми казенными, онъ обходился такъ, какъ Петръ Великій, который говаривалъ, что онъ за каждый рубль, взятый съ народа на нужды государственныя, обязанъ дать отчетъ Богу.

Въ подтвержденіе этой бережливости Н. Н. Муравьева, приведу нѣсколько примѣровъ, лично мнѣ извѣстныхъ.

Какъ извѣстно, Муравьевъ прибылъ на Кавказъ, въ гор. Ставрополь, зимою въ февралѣ 1855 года. Отсюда онъ объѣхалъ, для подробнаго осмотра регулярныхъ войскъ казачьяго вооруженнаго населенія и знакомства съ краемъ, бо̀льшую часть Кавказской линіи, а также и передовыя линіи: Лабинскую, Кабардинскую, Военно-Грузинскую и Сунженскую, прошелъ съ отрядомъ Малую и часть Большой Чечни до укрѣпленія Воздвиженскаго и крѣпости Грозной, а оттоль проѣхалъ до моста на р. Терекѣ у Николаевской станицы, отколь возвратился во Владикавказъ и отправился далѣе въ Тифлисъ по Военно-Грузинской дорогѣ. Поѣздка эта длилась около мѣсяца.

На пятый день по выѣздѣ изъ Ставрополя чрезъ Прочный-окопъ, на Кубани, и Лабинскую станицу, на Лабѣ, поѣздъ нашъ направился вверхъ по этой рѣкѣ и прибылъ на ночлегъ въ укрѣп-

леніе Каладжинское, построенное на значительныхъ высотахъ Каладжинскихъ, надъ самою Лабою, омывающею эти высоты у ихъ подножія. Въ этомъ укрѣпленіи, по окончаніи войны упраздненномъ, былъ расположенъ тогда линейный баталіонъ полковника Кишинскаго.

Переночевавъ въ домѣ баталіоннаго командира, Муравьевъ на другой день утромъ осмотрѣлъ баталіонъ, произвелъ ему ученье, затѣмъ, обошелъ казармы, лазареты, цейхгаузы, мастерскія, кухни, отвѣдалъ пищу и къ 12 часамъ возвратился въ квартиру. Обогрѣвшись немного въ комнатѣ, вышелъ онъ на площадку передъ домомъ, съ которой открывался видъ на далекое пространство вверхъ и внизъ по Лабѣ и въ Залабинскую сторону. День былъ ясный, солнечный. Муравьевъ желалъ, хотя въ подзорную трубку, осмотрѣть мѣстность выше Каладжей, верстъ 7 по Лабѣ, на которой предположено было построить мостъ, необходимый для военныхъ сообщеній, о чемъ ему было доложено наканунѣ этого дня. Съ нимъ вышли на площадку: командовавшій войсками генералъ Козловскій, начальникъ праваго фланга генералъ Евдокимовъ, завѣдывавшій Кавказскимъ линейнымъ казачьимъ войскомъ, начальникъ штаба полковникъ Мейеръ, начальникъ Лабинской линіи полковникъ Войцицкій, наконецъ, полковникъ Кишинскій и вся свита, въ числѣ коей былъ и я, какъ старшій адъютантъ при Мейерѣ.

Осмотрѣвъ въ трубу мѣстность по указанію рукою генерала Евдокимова и сказавъ, что онъ хорошо видитъ и мѣстность, и частію приготовленный на берегу рѣки лѣсной матеріалъ для моста, Муравьевъ началъ такой разговоръ съ генералами Козловскимъ и Евдокимовымъ:

Муравьевъ: „Скажите, Викентій Михайловичъ, сколько на этотъ мостъ назначено суммы по инженерной смѣтѣ?"

Козловскій: „Двадцать четыре тысячи, ваше высокопр—во".

Муравьевъ: „А кто будетъ строить мостъ?"

Козловскій: „Инженеръ, состоящій при Николаѣ Ивановичѣ (Евдокимовѣ)".

Муравьевъ: „А за какую сумму вашъ инженеръ (обращаясь къ Евдокимову) полагаетъ возможнымъ построить мостъ?"

Евдокимовъ: „За двѣнадцать тысячъ ваше высокопр—во".

Муравьевъ: „Ну, а вы сами, Николай Ивановичъ, какъ находите эту сумму—достаточною?“

Евдокимовъ: „Я полагаю, что мостъ можно построить за шесть тысячъ.“

Муравьевъ: „Очень хорошо. А откуда берете лѣсной матеріалъ?“

Евдокимовъ: „Лѣсной матеріалъ заготовляется войсками изъ этихъ (показывая рукою) близь лежащихъ лѣсовъ и перевозится къ мѣсту на полковыхъ казенныхъ подъемныхъ лошадяхъ“.

Муравьевъ: „Очень хорошо. А мастеровыхъ нанимаете вольнонаемныхъ, за какую плату?“

Евдокимовъ: „Мастеровые наряжаются на работы также изъ полковъ, положенные по штату“.

Муравьевъ: „Прекрасно. Стало быть, остается купить только желѣза для связей и винтовъ. А какой длины будетъ мостъ?“

Евдокимовъ: „Семьдесятъ саженъ“.

Муравьевъ: „А по какой цѣнѣ продается у васъ тутъ на линіи желѣзо?“

Евдокимовъ: „Не выше трехъ руб. за пудъ“.

Муравьевъ (Немного подумавъ): „Значитъ на такой мостъ потребуется желѣза пудовъ 200“. (Небольшая пауза). „Знаете что, Николай Ивановичъ: я буду просить васъ, чтобъ этотъ мостъ былъ построенъ за шесть сотъ рублей“.

Евдокимовъ (громко): „Слушаю-съ, ваше высокопр—ство“.

И мостъ, дѣйствительно, былъ построенъ за 600 руб.

Послѣ этого Муравьевъ направился въ домъ, а за нимъ и всѣ прочіе, тотчасъ сѣли за обѣдъ, а по окончаніи его немедленно выѣхали обратно на Кубань. Къ этому нужно прибавить, что до Муравьева и послѣ него не мало строилось такихъ же мостовъ и укрѣпленій, такими же точно средствами и по такимъ же точно инженернымъ смѣтамъ, какъ выше описано, и никто въ то время и не думалъ ограничивать или сокращать расходъ на эти предметы такъ, какъ это дѣлалъ Муравьевъ, что всѣхъ, особенно заинтересованныхъ въ этихъ сооруженіяхъ, можно сказать, поразило.

Почтенный М. Я. Ольшевскій долженъ помнить хорошо, что въ дѣйствовавшемъ корпусѣ на кавказско-турецкой границѣ, подъ начальствомъ князя Василія Осиповича Бебутова, до при-

бытія Муравьева, были подняты цѣны на всѣ предметы продовольствія какъ интендантствомъ, такъ и частными начальниками — до баснословной высоты, т. е. въ нѣсколько разъ выше цѣнъ нормальныхъ, существовавшихъ до начала военныхъ дѣйствій, хотя войска наши еще не переступали границы, а были, такъ сказать, у себя дома, около г. Александрополя. Замѣчательно, что каждая война начинается прежде всего войною своихъ же противъ казны, т. е. противъ народнаго достоянія, и обнаруживаетъ самую возмутительную картину разнузданнаго грабежа ея, весьма чувствительно отзывающагося на народномъ благосостояніи очень долгое время. Эту дѣйствительность, въ свое время, въ числѣ немногихъ, понималъ вполнѣ Н. Н. Муравьевъ.

Какъ только прибылъ Муравьевъ въ Закавказскій край и ознакомился съ положеніемъ дѣлъ, онъ безотлагательно принялъ самыя энергическія и дѣятельныя мѣры къ лучшему обезпеченію войскъ продовольствіемъ и къ возможному сокращенію на него расходовъ, какъ извѣстно составляющихъ всегда самую огромную трату казны. Онъ убѣдилъ подрядчиковъ доставлять провіантъ по возможно умѣреннымъ цѣнамъ, а мѣстныхъ губернаторовъ и уѣздныхъ начальниковъ, подъ угрозою строгой отвѣтственности по законамъ военнаго времени, обязалъ оказывать подрядчикамъ личными своими дѣйствіями возможныя пособія къ отысканію у мѣстныхъ жителей хлѣба и склоненію ихъ на продажу за умѣренную цѣну. Когда мы съ генераломъ Рудзевичемъ пріѣхали въ Эривань, то не нашли дома губернатора генерала Назарова, который разъѣзжалъ по губерніи для исполненія этого самаго порученія.

Что касается фуражнаго довольствія всѣхъ лошадей кавалерійскихъ, артиллерійскихъ и всякаго рода подъемныхъ, что обыкновенно лежитъ на обязанности и попеченіи всѣхъ частныхъ начальниковъ,—то для этого Муравьевъ установилъ таксу справочныхъ цѣнъ самую умѣренную, не превышавшую 15% выше цѣнъ нормальныхъ до войны и, такимъ образомъ, сбавилъ цѣну на овесъ или ячмень за четверть примѣрно съ 20 р. до 4-хъ и 5 руб. Такая мѣра вызвала, конечно, громкій ропотъ со стороны многихъ (но не всѣхъ) полковыхъ, батарейныхъ и другихъ командировъ, говорившихъ во всеуслышаніе, что они откажутся принять на свое попеченіе фуражное довольствіе. Но

Муравьевъ былъ непреклоненъ. Онъ приказалъ объявить, что если кто изъ командировъ откажется отъ фуражнаго довольствія своей части, то таковаго онъ немедленно уволитъ отъ должности, а на мѣсто его найдетъ другаго, такого, который согласится поставлять это довольствіе по цѣнамъ, имъ утвержденнымъ. Всѣ знали, что Муравьевъ словъ на вѣтеръ бросать не любитъ, а потому всѣ недовольные поворчали, посудили, порядили, а отказываться отъ довольствія никто не осмѣлился. Полагая однако, что можетъ быть въ этомъ ропотѣ есть и доля правды, Муравьевъ посылалъ наказнаго атамана бывшаго Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, генералъ-маіора Рудзевича, въ декабрѣ 1855 года, для осмотра двухъ сборно-линейныхъ казачьихъ полковъ этого войска, расположенныхъ: одного около г. Александрополя, а другаго неподалеку отъ г. Эривани, по армянскимъ селеніямъ, и одной конно-артиллерійской батареи въ молоканскомъ селеніи Воронцовкѣ, — и поручилъ ему, при этомъ, на мѣстѣ по деревнямъ собрать секретно самыя точныя свѣдѣнія о существующихъ цѣнахъ на фуражъ и сдѣлать выводъ: достаточно ли на это назначенныхъ утвержденною имъ таксою цѣнъ?

И въ эту поѣздку, какъ и въ прежнія, Рудзевичъ взялъ меня съ собою. Въ то время я былъ еще старшимъ адъютантомъ въ чинѣ есаула. Я переодѣлся въ самую простую одежду и, подъ видомъ покупателя фуража, собралъ справки о цѣнахъ на него какъ на рынкахъ въ самомъ Александрополѣ и въ Эривани, такъ и въ окрестныхъ деревняхъ. Мы сдѣлали изъ этихъ цѣнъ выводы, изъ коихъ оказалось, что сумма, назначенная Муравьевымъ на фуражъ, не только достаточна для покупки, но даже можетъ быть отъ нея еще и небольшое сбереженіе. Такіе выводы наши подтвердилъ прежде всѣхъ командиръ 1-го сборно-линейнаго казачьяго полка подполковникъ Петровъ (бывшій въ послѣднее время командиромъ 8 армейскаго корпуса и недавно скончавшійся въ Одессѣ), стоявшій съ полкомъ около Александрополя. Рудзевичъ, конфиденціально объяснивъ ему безпокойство главнокомандующаго на счетъ фуражнаго довольствія, просилъ его сказать откровенно: достаточно ли на это отпускаемой суммы или нѣтъ? Благородный Петровъ, какъ честный человѣкъ, объяснилъ, что не только этой суммы достаточно, но что изъ нея въ теченіи года составилась у него экономія до четырехъ

тысячъ руб., которые онъ расходуетъ на снаряженіе бѣднѣйшихъ казаковъ одеждою и на покупку верховыхъ лошадей вмѣсто упалыхъ или убитыхъ, частію же издерживаетъ и на свое представительство, по ограниченности отпускаемаго ему содержанія и столовыхъ, по обязанности принимать у себя въ военное время всѣхъ офицеровъ (въ то время оклады были значительно менѣе противъ того, что отпускалось въ 1876—1877 гг.). То же самое и въ тѣхъ же выраженіяхъ подтвердили атаману потомъ и командиръ 2-го полка подполковникъ Казбекъ (умершій) и батарейный командиръ подполковникъ Есаковъ (нынѣ генералъ-маіоръ, состоящій при войскахъ Кавказскаго военнаго округа). Обо всемъ этомъ было доложено Рудзевичемъ Муравьеву по возвращеніи въ Тифлисъ и онъ совершенно на этотъ счетъ успокоился.

Я бы могъ привести еще нѣсколько примѣровъ, подобныхъ описаннымъ; но полагаю, что и сказаннаго вполнѣ достаточно для того, чтобъ обрисовать вѣрно характеръ Муравьева по отношенію къ расходамъ казенныхъ денегъ.

Послѣдствіемъ такихъ мѣропріятій было то, что „почти въ двухлѣтнее управленіе свое Кавказомъ" Муравьевъ, по его собственнымъ словамъ, сказаннымъ атаману генералу Рудзевичу въ Ставрополѣ, при прощальномъ визитѣ, „и имѣя на своихъ рукахъ войну съ Турціею, не только обошелся тѣми бюджетными средствами на военные и внутренніе расходы, какіе обыкновенно давались правительствомъ предмѣстнику его, князю Воронцову, въ мирное время, не только не требовалъ никакихъ денежныхъ добавленій, но еще, изъ имѣющихся въ его распоряженіи средствъ, пополнилъ долговъ, сдѣланныхъ за время управленія Кавказомъ князя Воронцова, полмилліона рублей, а уѣзжая изъ Тифлиса, сдалъ подъ квитанцію въ главное казначейство одинъ милліонъ рублей золотою монетою экономіи".

Это я записалъ точныя слова Н. Н. Муравьева, которыя слѣдуетъ записать въ исторіи Кавказа золотыми буквами.

Впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что Муравьевъ еще сдѣлалъ значительную денежную помощь 13-й и 18-й дивизіямъ къ устройству всѣхъ ротныхъ солдатскихъ артелей, совершенно раззоренныхъ походами.

Вотъ каковъ былъ Н. Н. Муравьевъ, высоко-честный, вполнѣ безкорыстный человѣкъ и глубоко религіозный христіанинъ, чуж-

дый всякаго тщеславія. Онъ принадлежалъ къ тому историческому семейству Муравьевыхъ, которое извѣстно всей Россіи своею высокою репутаціею. Такими людьми Россія только можетъ гордиться [1]).

III.

Николай Ивановичъ Евдокимовъ.

Переходя къ описанію покоренія западнаго Кавказа, почтенный М. Я. Ольшевскій, къ глубокому прискорбію, сдѣлалъ о покойномъ графѣ Николаѣ Ивановичѣ Евдокимовѣ такіе отзывы, въ которыхъ какъ бы проглядываетъ желаніе умалить значеніе важныхъ заслугъ его отечеству, вопреки явной ихъ очевидности и при томъ вполнѣ признанныхъ покойнымъ государемъ, какъ это доказывается, кромѣ приведенной выше высочайшей грамоты 17 апрѣля 1859 года, относящейся къ покоренію восточнаго Кавказа, еще и другою, ниже приведенною, 15 іюня 1864 года, которою удостоилъ покойный государь графа Евдокимова послѣ покоренія западнаго Кавказа. Обращаясь же къ нравственной сторонѣ графа Евдокимова, авторъ заводитъ рѣчь издали, по слухамъ, на основаніи молвы, о томъ, что когда маіоръ Евдокимовъ, еще молодой человѣкъ, былъ койсубулинскимъ приставомъ въ Дагестанѣ, гдѣ онъ впервые проявилъ особенно-отважную храбрость и получилъ двѣ тяжелыхъ раны, и гдѣ, замѣтимъ, авторъ въ то время, назадъ тому 43 года, вовсе не былъ, онъ, Евдокимовъ, будто бы выказалъ себя „небезкорыстнымъ“ дѣятелемъ, „хотя и умѣлъ пріобрѣсти расположеніе и уваженіе дагестанцевъ за знаніе туземнаго языка и свою храбрость“.

На дѣлѣ оказывается, что и корысть-то, въ то время, не отъ кого и не чѣмъ пріобрѣтать было. Извѣстно, что дагестанцы,

---

[1]) О Николаѣ Николаевичѣ Муравьевѣ на стр. „Русской Старины“ помѣщено нѣсколько характеристическихъ очерковъ, освѣщающихъ не только достоинства, но и недостатки этого историческаго, вполнѣ достопамятнаго, русскаго дѣятеля. Настоящій очеркъ служитъ весьма важнымъ дополненіемъ къ этой характеристикѣ. Ред.

живущіе среди скалистыхъ, громадныхъ, голыхъ и безплодныхъ горъ, народъ крайне бѣдный, но отважный; у нихъ, правда, есть кой-какой хлѣбъ, да зубы крѣпкіе и оружіе острое, а при такихъ условіяхъ „небезкорыстныя“ дѣйствія уже никоимъ образомъ не могли вызвать въ нихъ уваженіе и расположеніе къ своему приставу, а скорѣе всего проявились бы въ нихъ чувства противоположныя. Въ этомъ тѣмъ болѣе нельзя сомнѣваться, что въ тѣ времена нерѣдко случались чисто-фанатическія убійства дагестанцами русскихъ людей, среди бѣлаго дня, какъ, напримѣръ: генераловъ Лисаневича, Грекова, раненіе генерала Джемардыдзе, убійство полковника Пастухова, окружнаго начальника и другихъ, даже до недавняго времени. Все это, очевидно, доказываетъ только, что съ дагестанцами и близкими къ нимъ сосѣдями, чеченцами, въ средѣ коихъ свили гнѣзда самыя враждебныя намъ мусульманскія ученія, чего вовсе не было у другихъ горцевъ, нужно было обращаться весьма осторожно и осмотрительно. До корыстныхъ ли тутъ выгодъ, когда нужно было зорко беречь свою собственную особу отъ фанатическихъ злодѣевъ и изувѣровъ, питавшихъ къ русскимъ самую адскую ненависть, поддерживаемую ихъ духовенствомъ? Оказывается, такимъ образомъ, что уваженіе и расположеніе дагестанцевъ, особенно въ то крайне смутное время, было пріобрѣтено Евдокимовымъ не только храбростію и знаніемъ ихъ языка, что, понятно, сближало его съ горцами, по умнымъ и толковымъ ихъ управленіемъ; между тѣмъ таковое не всякому приставу удавалось, особенно при незнаніи туземнаго нарѣчія, причемъ безкорыстіе являлось само собою, какъ дополненіе къ тому. Объ Евдокимовѣ въ то время (я это очень хорошо помню, потому что былъ уже офицеромъ и полковымъ адъютантомъ) на всемъ Кавказѣ, даже на Кубани, не смотря на ея отдаленность, всѣ заговорили и именно какъ о человѣкѣ необыкновенно храбромъ, очень умномъ и находчивомъ, что все вмѣстѣ взятое и двинуло Евдокимова быстро впередъ по службѣ.

Слѣдя далѣе за возвышеніемъ по службѣ уже генералъ-маіора Евдокимова, М. Я. Ольшевскій говоритъ, что: „во время командованія Евдокимовымъ правымъ флангомъ Кавказской линіи (гдѣ опять-таки авторъ въ то время не служилъ) о Николаѣ Ивановичѣ еще болѣе утверждается понятіе, какъ о начальникѣ,

не упускавшемъ изъ вида случая и не разбиравшемъ средствъ... и что эта слабость его извѣстна была будто бы и князю Барятинскому".

Я слышалъ мнѣніе нѣкоторыхъ генераловъ, читавшихъ эту статью и служившихъ подъ командою Николая Ивановича на правомъ флангѣ; они утверждаютъ, что ни разу ни отъ кого не слыхали такого обвиненія. Въ случаѣ надобности мнѣ дозволено выставить ихъ имена въ доказательство.

Оказывается слѣдовательно, что и послѣднее, такое же, какъ и первое, голословное обвиненіе относится уже и ко времени, къ намъ близкому, и къ мѣсту дѣйствія на Кубани, когда вся дѣятельность генералъ-маіора Евдокимова происходила на глазахъ многихъ еще находящихся въ живыхъ моихъ сверстниковъ и даже старшихъ меня по лѣтамъ и по чинамъ генераловъ.

Такъ какъ читатели, не бывшіе на Кавказѣ въ то время, не имѣютъ яснаго понятія о томъ, что такое былъ правый флангъ Кавказской линіи и какую роль на немъ игралъ Евдокимовъ, то я прежде всего считаю необходимымъ познакомить ихъ съ этимъ въ нѣсколькихъ строкахъ для ясности дѣла.

Правымъ флангомъ Кавказской линіи называлось пространство: отъ границы бывшаго Черноморскаго казачьяго войска въ верхъ по р. Кубани, чрезъ Прочный окопъ и Баталпашинскъ до Каменнаго моста или до границы владѣнія карачаевскаго народа, намъ покорнаго, поселеннаго почти у подножія Эльборуса, откуда эта рѣка беретъ начало. Это пространство заключало въ въ себѣ около 400 верстъ. Вся эта линія занята была казачьими станицами и постами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и полевыми укрѣпленіями, и называлась Кубанскою кордонною линіею, подраздѣлявшеюся на четыре кордонныхъ участка: Усть-Лабинскій, Прочноокопскій, Ставропольскій и Баталпашинскій, которыми начальствовали командиры казачьихъ линейныхъ бригадъ 1, 2, 3 и 4 бывшаго Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, поселенныхъ на этой рѣкѣ. Далѣе, за Кубанью, такія же передовыя линіи были: Лабинская, простиравшаяся по этой рѣкѣ на 150 верстъ, и Малолабинская, на 50 верстъ. Всѣ эти линіи въ военномъ отношеніи, со всѣми расположенными на нихъ войсками, подчинялись начальнику праваго фланга, который въ свою очередь, былъ подчиненъ командовавшему войсками на Кавказской

линіи. Начальникъ праваго фланга былъ въ то же время и командиромъ 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи, состоявшей изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ: Кубанскаго и Ставропольскаго. Права бригаднаго командира, по отношенію къ этимъ полкамъ, ограничивались, собственно, только строевою частію. Вся же денежная и матеріальная часть подлежала и подлежитъ полному и непосредственному вѣдѣнію и ревизіи начальника дивизіи.

Такія же точно права только въ наружномъ осмотрѣ исправнаго состоянія частей войскъ имѣлъ начальникъ праваго фланга и по отношенію ко всѣмъ войскамъ, на ввѣренномъ ему флангѣ расположеннымъ. Если онъ усматривалъ какую-либо неисправность въ строевыхъ частяхъ для выполненія прямой обязанности военнаго дѣла, то долженъ былъ относиться объ этомъ къ прямому ихъ начальству; самъ же никакихъ мѣръ относительно матеріальнаго исправленія войскъ принимать не имѣлъ ни малѣйшаго права, кромѣ личнаго указанія на это командирамъ частей. Заготовленіе провіанта и содержаніе госпитальной части производилось интендантскимъ вѣдомствомъ самостоятельно, безъ малѣйшаго вмѣшательства начальника праваго фланга.

Заготовленіе фуражнаго довольствія для лошадей всѣхъ родовъ оружія лежало исключительно на попеченіи командировъ частей и подлежало ревизіи, какъ и вся матеріальная часть, дивизіоннымъ генераламъ, наказнымъ атаманамъ казачьихъ частей и проч.

Инженерныя работы, которыхъ вообще въ то время на правомъ флангѣ было немного, производились этимъ вѣдомствомъ также самостоятельно.

Словомъ, начальникъ праваго фланга былъ исключительно военнымъ полевымъ начальникомъ, не связаннымъ и не развлекаемымъ никакими хозяйственными заботами и дѣлами. Главною его обязанностію было: бдительное охраненіе кордонною стражею всѣхъ линій, ему подчиненныхъ, отъ вторженій непріятеля, и безопасность всѣхъ нашихъ поселеній какъ на этихъ линіяхъ, такъ и позади ихъ лежащихъ. Онъ обязанъ былъ посредствомъ лазутчиковъ изъ преданныхъ намъ мирныхъ горцевъ вывѣдывать о намѣреніяхъ непріятеля. Если онъ получалъ свѣдѣніе о значительномъ сборѣ горцевъ для нападенія на какое-либо населенное мѣсто или на кордонную линію, онъ обязанъ былъ

быстро собирать отряды и отвлечь непріятеля либо своими набѣгами на жилища горцевъ, для нанесенія имъ возможнаго вреда, или предупредить непріятеля на ожидаемомъ къ нападенію пунктѣ, либо, наконецъ, преслѣдовать его открытою силою и стараться поразить или нанести возможный вредъ.

Начальнику праваго фланга отпускалась экстра-ординарная сумма для пріема горцевъ и для уплаты лазутчикамъ, посылаемымъ въ горы, за ихъ услуги. Но сумма эта отпускалась въ безъотчетное распоряженіе, никакому контролю не подлежала, да по существу своего назначенія и подлежать не могла; о ней слѣдовательно и говорить нечего, тѣмъ болѣе, что она была относительно не велика и простиралась до 3,000 рублей въ годъ, да и изъ этой суммы онъ обязанъ былъ давать еще субсидіи на наемъ лазутчиковъ частнымъ кордоннымъ начальникамъ.

Наконецъ, постоянной милиціи изъ покорныхъ туземцевъ, бывшей въ нѣкоторыхъ областяхъ съ преобладающимъ туземнымъ населеніемъ, въ составѣ полковъ или сотень, которые можно было по временамъ содержать гораздо въ меньшемъ противъ штата числѣ, по усмотрѣнію ближайшихъ надъ нею начальниковъ, а получать содержаніе сполна штатное,—въ то время на правомъ флангѣ вовсе не было. Обыкновенно при случавшихся движеніяхъ нашихъ отрядовъ въ горы собирали на время, отъ 10 до 15 дней, полусотню или сотню на весь отрядъ конныхъ милиціонеровъ и то преимущественно знающихъ хорошо дороги, въ качествѣ проводниковъ, за что производилась имъ особая плата изъ той же экстра-ординарной суммы, а по возвращеніи изъ экспедиціи тотчасъ распускали ихъ по домамъ.

Никакихъ постоянныхъ зимнихъ экспедицій въ то время, а слѣдовательно и заготовленія для нихъ сѣна, вовсе не было.

Итакъ, вотъ все, что принадлежало къ обязанностямъ, правамъ и власти начальника праваго фланга. Онъ былъ чисто военный полевой начальникъ и никакихъ отношеній къ матеріальной части войскъ не имѣлъ. Спрашивается: въ чемъ же именно авторъ находитъ виновнымъ генерала Евдокимова, будто бы не упускавшаго изъ вида случая и не разбиравшаго средствъ?... Разъясненіе этого тяжкаго обвиненія на имя покойнаго героя, предъ общественнымъ мнѣніемъ всей Россіи, желательно въ видахъ исторической правды и при томъ не въ ту-

манныхъ фразахъ, къ какимъ авторъ прибѣгаетъ, а въ точномъ, опредѣленномъ и доказательномъ сообщеніи, такъ какъ изъ всего выше изложеннаго самому автору очень хорошо извѣстнаго, невозможно усмотрѣть ни одного случая или предмета, который могъ бы генералъ Евдокимовъ эксплоатировать въ свою личную выгоду,—человѣкъ, вообще отличавшійся прямодушіемъ, честными правилами и твердымъ характеромъ, что могутъ засвидѣтельствовать находящіеся еще въ живыхъ его современники и сослуживцы.

Въ опроверженіе утвержденія автора о томъ, что будто-бы указанныя имъ слабости графа Евдокимова были извѣстны и князю Барятинскому, я помѣщаю, въ концѣ настоящаго очерка, рядъ подлинныхъ писемъ кн. А. И. Барятинскаго къ Н. П. Евдокимову; здѣсь же привожу, съ согласія вдовы покойнаго, графини Александры Александровны, двѣ очень выразительныя выдержки изъ помянутыхъ собственноручныхъ писемъ князя Барятинскаго Въ первомъ письмѣ, на сообщеніе графа объ успѣхахъ покоренія западнаго Кавказа, князь отвѣчалъ:

— „Благодарю моего Бога, что онъ внушилъ мнѣ мысль довѣриться вамъ“.

А во второмъ, послѣ смерти героя, къ вдовѣ его, князь А. И., между прочимъ, писалъ:

— „Цѣня высокія заслуги графа Николая Ивановича, къ которому я сохранилъ, какъ вамъ извѣстно, сердечно-дружескую память“...

Какъ все это явно противорѣчитъ тому, что авторъ приписалъ князю Барятинскому, обладавшему самыми возвышенными чувствами и правилами, чисто-рыцарскою деликатностію и безграничною добротою. Кто же изъ старыхъ кавказцевъ повѣритъ, чтобы князь занимался какими-то мелочными бумажными указаніями и замѣчаніями, какъ утверждаетъ авторъ, столь несогласными съ его открытымъ, благороднымъ характеромъ и прямодушіемъ?

Слѣдуя тому же способу ниспроверженія заслугъ графа Евдокимова по покоренію западнаго Кавказа, какой примѣнялъ къ покоренію восточнаго Кавказа, М. Я. Ольшевскій говоритъ:

„Но заслуга отечеству князя Барятинскаго не ограничивается покореніемъ восточнаго Кавказа и плѣненіемъ Шамиля. По его энергическому почину и благоразумнымъ распоряженіямъ, какъ главнокомандующаго, приступлено было къ завоеванію и западнаго Кавказа.

„Не по распоряженію ли князя Барятинскаго направлены въ 1860 году въ Кубанскую область всѣ свободныя войска, а въ особенности стрѣлковые баталіоны всей арміи? А отъ сосредоточенія такой массы нарѣзнаго оружія и хорошихъ стрѣлковъ на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій и совершилось скорое покореніе западнаго Кавказа.

„Не по желанію ли и даже настоятельному его требованію вступилъ въ командованіе войсками, на западномъ Кавказѣ находящимися, графъ Евдокимовъ, и не по предначертаніямъ ли князя Александра Ивановича началъ онъ тамъ свои энергическія дѣйствія въ то время, когда генералъ Филипсонъ назначенъ былъ, въ концѣ 1860 года, послѣ Д. А. Милютина, начальникомъ главнаго штаба арміи?

„Не по почину ли князя Барятинскаго приведена въ исполненіе строгая, но, увы, необходимая мѣра, породившая много толковъ и порицаній — это насильственное переселеніе горцевъ въ Турцію и водвореніе на западномъ Кавказѣ христіанскаго населенія".

Прежде чѣмъ приступать къ объясненію предшествовавшихъ покоренію западнаго Кавказа обстоятельствъ, я остановлюсь нѣсколько на починѣ въ этомъ дѣлѣ, которому авторъ придаетъ большое значеніе.

Извѣстно, кажется, что во всякомъ дѣлѣ важенъ не починъ, а конецъ, который даетъ ему вѣнецъ по народной пословицѣ. Въ починахъ для покоренія западнаго Кавказа у насъ недостатка не было. Стоитъ только вспомнить проэкты: Паскевича, Вельяминова, Воронцова, Ханъ-гирея, Брунò и многихъ другихъ, лежащіе и до нынѣ въ архивахъ. Да нѣсколько крупныхъ экспедицій въ горы, напримѣръ: Даргинскую, Ичкеринскую и подъ Ахульго, кончившіяся для насъ первыя двѣ—полнѣйшимъ пораженіемъ и значительною потерею войска, а послѣдняя хотя и взятіемъ штурмомъ скалы, на которой стояло Ахульго, прежняя резиденція Шамиля, но также не принесла намъ никакой пользы, а только повлекла за собою также большую потерю войска. Но еще хуже было предпринято съ тою же цѣлію устройство пресловутой Черноморской береговой линіи, чѣмъ думали въ то время тоже покорить горцевъ. Эта линія стоила Россіи не менѣе 200 милліоновъ деньгами, да погибло на ней въ теченіи 12 лѣтъ отъ зловреднаго климата до 50 тыс. войска. Что же изъ всего этого вышло? Въ виду вступленія въ Черное море англо-французскаго флота, мы принуждены были поспѣшно снять гарнизоны съ этой линіи, иначе они попали бы въ плѣнъ, а укрѣпленія бросить навсегда!

Итакъ, кажется, ясно, что недостатка въ починахъ не было.

Къ прискорбію, изъ этихъ починовъ никакой пользы не выходило, не смотря на громкія имена предводителей, пока не явился на сцену опытный, необыкновенно твердый и искусный генералъ, вышедшій изъ народной среды,—правда безъ ученаго образованія, но за то съ хорошимъ практическимъ самообразованіемъ и такимъ значительнымъ умственнымъ развитіемъ, которое вполнѣ было прилично его высокому положенію,—котораго князь Барятинскій, можно сказать, отыскалъ и употребилъ въ дѣло, давшее самые блистательные результаты въ покореніи восточнаго и западнаго Кавказа. Кто возьметъ смѣлость отрицать это?

Я сказалъ, что князь Барятинскій отыскалъ Евдокимова, потому что до него послѣдній былъ обыкновеннымъ смертнымъ, какъ и всѣ другіе, а князь Барятинскій, найдя „золотой самородокъ", какъ онъ самъ говорилъ, да и лучшіе люди изъ современниковъ такимъ признавали Евдокимова, выдвинулъ его не только въ генералъ-адъютанты, но и въ графы.

И не въ сосредоточеніи массы нарѣзнаго оружія, какъ авторъ говоритъ, дѣло заключалось, такъ какъ и этою массою надо было толково и умѣло распорядиться. Къ слову еще сказать, что и стрѣлковое дѣло тогда стояло въ Кавказскихъ войскахъ не очень высоко по той причинѣ, что за лѣтними и зимними экспедиціями, въ которыхъ войска находились почти круглый годъ, имъ не было времени заниматься этимъ дѣломъ такъ, какъ занимаются въ настоящее время. Къ тому же очевидцы свидѣтельствуютъ, что графъ не разъ говорилъ: „для покоренія края нужны не винтовки, а топоры и лопаты". А потому стрѣлки, къ ужасу рутинистовъ, рубили лѣса наравнѣ съ гладкоствольными, расчищали просѣки, прокладывали и разработывали дороги и освѣщали недоступныя горныя трущобы. Изъ всего этого становится яснымъ, что дѣло заключалось вовсе не въ починѣ и не въ массѣ нарѣзнаго оружія, а въ другомъ, о чемъ наша рѣчь будетъ впереди.

Выше, въ 1-й гл. этой статьи, я уже высказалъ, какія важныя заслуги оказалъ отечеству незабвенный князь Александръ Ивановичъ Барятинскій. Смѣю по этому полагать, что покойный фельдмаршалъ вовсе не нуждается въ чьей-либо похвалѣ или защитѣ. При томъ почтенный авторъ умолчалъ вовсе о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя предшествовали покоренію западнаго Кавказа.

А эти обстоятельства, до начала военныхъ дѣйствій, уже по выѣздѣ князя Барятинскаго въ Петербургъ, до того осложнились и обострились, вовсе не отъ горцевъ, а отъ своихъ же собственныхъ ошибокъ, въ которыхъ не былъ участникомъ только одинъ графъ Евдокимовъ, что только такой твердый, осмотрительный и рѣшительный человѣкъ могъ преодолѣть всѣ возникшія затрудненія и повести самостоятельно дѣло покоренія, а вмѣстѣ и колонизацію этого края съ такою быстротою и успѣхомъ, какихъ не ожидалъ даже самъ покойный государь Александръ II, какъ это выражено буквально въ его рескриптѣ, ниже приведенномъ.

Въ концѣ августа 1860 года, князь Барятинскій прибылъ въ г. Владикавказъ и прожилъ въ немъ около мѣсяца для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ. Эти вопросы были слѣдующіе: 1) покореніе западнаго Кавказа; 2) заселеніе его христіанскимъ населеніемъ; 3) новая организація Кубанской и Терской областей, названія коихъ были присвоены бывшимъ предъ тѣмъ правому и лѣвому крыламъ Кавказской линіи, безъ всякой, однако, внутренней организаціи въ правительственномъ отношеніи и даже безъ всякаго на практикѣ территоріальнаго раздѣленія, и 4) предположенное, въ связи съ этимъ, раздѣленіе бывшаго Кавказскаго линейнаго казачьяго войска въ такомъ порядкѣ, чтобъ первыя шесть бригадъ этого войска, поселенныя отъ верховьевъ р. Кубани до границы Черноморіи, со всѣми передовыми линіями, слились съ Черноморскимъ казачьимъ войскомъ и образовали одно Кубанское казачье войско; остальная часть бывшаго Кавказскаго войска, поселенная по Малкѣ, Подкумку и по Тереку, со всѣми передовыми линіями, получила наименованіе Терскаго казачьяго войска. Такимъ образомъ, по мысли князя Барятинскаго, казаки, поселенные въ Кубанской и Терской областяхъ, получили бы наименованіе по двумъ главнымъ на Кавказѣ историческимъ рѣкамъ, Кубани и Тереку, прославленнымъ ихъ подвигами. Это точныя слова князя Барятинскаго.

Для рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ, были вызваны во Владикавказъ командовавшіе войсками Кубанской и Терской областей генералъ Филипсонъ и графъ Евдокимовъ, наказной атаманъ Кавказскаго войска генералъ Рудзевичъ и исправлявшій должность наказнаго атамана Черноморскаго войска ген. Кусаковъ.

Такъ какъ въ это время Рудзевичъ находился въ отпуску

въ Крыму, то во Владикавказъ отправился завѣдывавшій войскомъ начальникъ штаба генералъ Попандопулло и взялъ съ собою меня, какъ дежурнаго штабъ-офицера, бывшаго тогда въ чинѣ подполковника. Во все время происходившихъ во Владикавказѣ совѣщаній, присутствовалъ и управлявшій военнымъ министерствомъ Д. А. Милютинъ, только-что предъ тѣмъ назначенный на этотъ постъ изъ начальниковъ главнаго штаба Кавказской арміи.

На этихъ совѣщаніяхъ подлежалъ рѣшенію, конечно, первый и самый главный вопросъ о покореніи западнаго Кавказа.

По словамъ лицъ, близко стоявшихъ къ главнокомандовавшему, окончательное совѣщаніе это происходило только между четырьмя лицами: княземъ Барятинскимъ, Филипсономъ и графомъ Евдокимовымъ, въ присутствіи Милютина.

Князь предложилъ Филипсону первому высказать свое объ этомъ мнѣніе, какъ мѣстному начальнику. Филипсонъ изложилъ свой планъ, подробностей котораго, чрезъ 24 года, я точно не помню; но у меня сохранилась копія съ его письменнаго мнѣнія, которое онъ въ началѣ того же 1860 года представилъ князю Барятинскому, послѣ извѣстнаго покоренія абадзеховъ, о народахъ, населявшихъ западный Кавказъ, въ виду предстоявшихъ тогда рѣшительныхъ дѣйствій къ покоренію этого края. Это мнѣніе, несомнѣнно, Филипсонъ поддерживалъ и развивалъ и при происходившемъ окончательно во Владикавказѣ совѣщаніи. Я не стану приводить всего этого мнѣнія, довольно пространнаго, а ограничусь только слѣдующими заключительными его словами:

— „Выше сказано, говоритъ Филипсонъ, что стратегическихъ пунктовъ въ этомъ краѣ нѣтъ [1], а потому остается или прибѣгнуть къ немедленному способу прорубанія просѣкъ и возведенію ряда укрѣпленій, или вести истребительную войну. Успѣхи наши могутъ фанатизировать эти племена, издревле не знавшія надъ собою власти; отчаяніе можетъ родить новые элементы для народной борьбы, которая съ каждымъ шагомъ впередъ будетъ для насъ труднѣе, потому что мы будемъ удаляться отъ основанія нашихъ дѣйствій и болѣе углубляться въ самыя нѣдра горъ. Тотъ-же самый Магометъ-Аминъ, который теперь усердно дѣйствуетъ въ нашу пользу для своей собственной,

---

[1]) Эти слова не принадлежали Филипсону, а выражены были Вельяминовымъ, который въ отвѣтѣ своемъ на проэктъ Паскевича въ 1834 году сказалъ въ первый разъ, что Кавказъ не имѣетъ въ себѣ такихъ стратегическихъ пунктовъ, овладѣвъ которыми можно было бы покорить всю эту страну; причемъ привелъ нѣсколько примѣровъ изъ войнъ Наполеона I-го на Пиринейскомъ полуостровѣ. И. К.

можетъ стать въ головѣ фанатизированнаго народа и повторить всю кровавую драму Шамиля, только въ бо̀льшихъ размѣрахъ. Слѣдуетъ вспомнить, что здѣсь народы не разрознены и не разноплеменны; край не подвергался никакимъ бѣдствіямъ войны или фанатическаго деспотизма, и что размѣры театра войны огромны. Наконецъ, нельзя не принять въ соображеніе, что дѣйствія наши въ этой части Кавказа входятъ до нѣкоторой степени въ соображенія европейской политики. Быстрое покореніе восточной половины Кавказа, составлявшей до сего времени главный театръ нашихъ дѣйствій противъ горскихъ племенъ, не могло не возбудить опасеніе Англіи, что окончаніе войны на Кавказѣ дастъ Россіи огромныя военныя средства, которыхъ употребленіе, можетъ быть, и противно интересамъ Англіи. Поэтому естественно, что англійское правительство, не признающее правъ Россіи на этотъ край, будетъ съ нетерпѣніемъ выжидать случая раздуть угасающее на Кавказѣ пламя войны, а при какомъ-бы то ни было переворотѣ въ Европѣ (возможность, а, можетъ быть, и близость котораго нельзя отвергать) англичанамъ легко будетъ подать горцамъ дѣйствительную помощь и тогда война приметъ совсѣмъ другіе размѣры.

„Блистательные успѣхи прошлаго года въ восточной сторонѣ Кавказа и взятіе Шамиля имѣли сильное вліяніе на народъ западной половины. Остается желать, чтобы ожесточенная война въ сей послѣдній годъ, подъ знаменемъ религіознаго фанатизма и при содѣйствіи европейскаго союзника, не произвела когда-нибудь вреднаго вліянія на народы Чечни и Дагестана.

„Таковъ возможный ходъ дѣлъ въ этомъ краѣ, предполагая самыя неблагопріятныя для насъ обстоятельства. Конечно, вмѣсто всѣхъ предвидимыхъ затрудненій можетъ возникнуть непредвидимая случайность, которая дастъ дѣлу совсѣмъ другой оборотъ. Пылкій и легкомысленный характеръ полудикихъ горцевъ допускаетъ такое предположеніе, но на это нельзя разсчитывать и потому желательно заранѣе изыскать болѣе надежныя средства для избѣжанія затрудненій. По моему убѣжденію, эти средства должны состоять въ томъ, чтобы немедленно обратить всѣ наши свободные военные способы противъ шапсуговъ и продолжать рѣшительныя средства до тѣхъ поръ, пока они покорятся безусловно и ихъ земля будетъ прочно занята. Въ продолженіи этого времени не слѣдуетъ дѣлать у покорившихся народовъ никакихъ рѣзкихъ нововведеній, которыя бы повлекли къ какому нибудь враждебному для насъ волненію, а напротивъ, стараться лаской и заботами объ ихъ матеріальныхъ интересахъ показать имъ осязательно выгоды ихъ настоящаго положенія. Время и привычка будутъ сильными нашими союзниками, и помогутъ намъ безъ потрясеній довести эти народы до гражданскаго благоустройства. Для этого естественно необходимо проложить удобные военные пути чрезъ землю абадзеховъ, обезпечить ихъ укрѣпленіями и ввести у нихъ управленіе, вполнѣ соотвѣтствующее видамъ нашего правительства. Но все это необходимо также и въ землѣ шапсуговъ съ тою разницею, что, дѣйствуя исключительно противъ сего послѣдняго народа, мы ограничиваемъ театръ войны мѣстностью, сравнительно болѣе доступною, а сопротивленіе—одними средствами шапсуговъ. Даже убыхи не примутъ въ этой войнѣ дѣятельнаго участія [1]. Этотъ народъ, самый воинственный въ западной половинѣ Кавказа и занимающій неприступныя горныя и лѣсныя трущобы, уже началъ переговоры о принесеніи покорности на тѣхъ же осно-

[1] Эта иллюзія очень скоро разсѣялась. К.

ваніяхъ, какъ принесли оную абадзехи. Легко можетъ быть, что этотъ первый шагъ поведетъ къ болѣе прочнымъ результатамъ. Вліяніе Магометъ Амина и примѣры союзныхъ имъ абадзеховъ могутъ быть въ этомъ случаѣ столько же полезны, какъ и удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей убыховъ, какъ то: свободной торговли и дозволенія поѣздокъ въ Турцію съ съ невысказываемою, но во всякомъ случаѣ для насъ безвредною (?), цѣлію.

„Предоставленное однимъ своимъ средствамъ, народонаселеніе шапсуговъ въ 150 т. душъ можетъ оказать упорное сопротивленіе, но есть всякая вѣроятность, что этотъ народъ не рѣшится доводить дѣло до послѣдней крайности, особливо если убѣдиться, что безусловная покорность натухайцевъ повела къ благосостоянію. Есть много причинъ надѣяться, что постройка сильнаго укрѣпленія въ центрѣ земли шапсуговъ на сѣверной сторонѣ хребта и особливо зимняя экспедиція, направленная нѣсколькими отрядами по одному общему плану, заставитъ шапсуговъ покориться.

„Этимъ фактически кончится вѣковая борьба на Кавказѣ и явится міру единственный въ исторіи примѣръ покоренія оружіемъ 800 т. горцевъ, воинственныхъ, бѣдныхъ, многіе вѣка не знавшихъ надъ собою власти иноплеменныхъ и иновѣрныхъ.

„Принесеніе шапсугами присяги на подданство императору всероссійскому положитъ конецъ недоброжелательному оспариванію какою либо иностранною державою правъ Россіи на кавказскихъ горцевъ и ихъ землю. Тогда мы свободно можемъ приняться за постепенное упроченіе нашего владычества въ этомъ богатомъ, дѣвственномъ краѣ, за развитіе въ немъ благосостоянія и цивилизаціи“.

Въ этомъ заключительномъ словѣ вылился весь Григорій Ивановичъ Филипсонъ, любезный, умный, краснорѣчивый, добрый, наклонный къ мечтательности, но идеалистъ, мало практичный и, не смотря на довольно долгую службу на западномъ Кавказѣ и на бывшей Черноморской береговой линіи, мало знавшій характеръ тѣхъ горскихъ народовъ этой части Кавказа, которыхъ онъ собирался покорять не столько оружіемъ, сколько, по его словамъ, лаской и заботами объ ихъ матеріальномъ благосостояніи, устраненіемъ рѣзкихъ у нихъ нововведеній и надѣясь на время и привычку, какъ на сильныхъ союзниковъ, которые помогутъ намъ безъ потрясеній довести эти народы до гражданскаго благоустройства (изумительная иллюзія!). Тогда какъ горцы уважали только одну силу и ей одной покорялись; ласки же и прочіе гуманныя мѣры со стороны непріятеля — считали его слабостію.

Но не прошло и года со времани данной абадзехами Филипсону присяги о покорности и начатыхъ шапсугами переговоровъ о томъ же, какъ всѣ эти народы снова измѣнили: первые — своей присягѣ, а послѣдніе прекратили переговоры. Итакъ, всѣ мечты Филипсона, выше въ его краснорѣчивомъ словѣ выражен-

ныя, разлетѣлись, какъ дымъ! Видно по всему, что онъ твердо вѣрилъ въ покорность абадзеховъ и на этомъ основалъ весь свой планъ, выше приведенный.

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что князь Барятинскій и графъ Евдокимовъ, послѣ рѣшительнаго и блистательнаго въ два года покоренія восточнаго Кавказа и плѣненія Шамиля, не могли ни въ какомъ случаѣ принять изложенный планъ Филипсона, по смыслу котораго кавказская война опять должна была тянуться нескончаемо тѣмъ же обычнымъ путемъ, какъ это было прежде. Не могли потому, что, какъ извѣстно, и самъ покойный незабвенный государь Александръ II горячо желалъ и настаивалъ на рѣшительномъ окончаніи этой вѣковой войны во чтобы ни стало. Наконецъ, быстрое окончаніе борьбы съ горцами важно и нужно было, чтобъ поднять значеніе Россіи въ глазахъ Европы и всего свѣта послѣ недавно конченной тогда весьма неудачной и раззорительной для насъ Крымской войны. А всему этому планъ Филипсона рѣшительно противорѣчилъ.

Спрошенный затѣмъ графъ Евдокимовъ, доказавъ ошибочность плана Филипсона, изложилъ свое предположеніе, по которому военныя операціи должны быть начаты съ верховьевъ рѣкъ Лабы и Бѣлой, чтобъ вытѣснить постепенно и послѣдовательно абадзеховъ, а за ними шапсуговъ, убыховъ и прочихъ въ направленіи къ Черному морю и, при несогласіи ихъ выселиться на степныя пространства Ставропольской губерніи, изгнать ихъ въ Турцію, а весь этотъ обширный край заселить русскимъ народомъ. Безъ этого, какъ утверждалъ графъ Евдокимовъ, завоеваніе западнаго Кавказа не будетъ полнымъ и окончательнымъ, такъ какъ Турція всегда можетъ попрежнему высылать къ горцамъ своихъ эмисаровъ для подстрекательства противъ насъ и доставлять имъ и снаряды, и оружіе. Одновременно съ началомъ предполагаемыхъ военныхъ дѣйствій съ верховьевъ Лабы и Бѣлой, поставить отрядъ у впаденія р. Джубы въ море или въ другомъ мѣстѣ, для отвлеченія шапсуговъ и другихъ племенъ отъ пособія абадзехамъ.

Таковъ былъ, въ главныхъ чертахъ, планъ графа Евдокимова, планъ, вполнѣ противоположный плану Филипсона, выше приведенному.

Князь Барятинскій, вовсе не знавшій лично этого обширнаго

края [1]), вполнѣ согласился съ предположеніемъ графа Евдокимова, такъ какъ очевидность пользы для насъ, отъ приведенія его въ исполненіе, была настолько ясна, что устраняла всякое сомнѣніе въ правильности взгляда на это дѣло его составителя,— а доказанные уже энергія, умъ, опытность и непреклонная твердость графа Евдокимова ручались вполнѣ за точное выполненіе имъ своего плана.

Не странно ли, въ самомъ дѣлѣ, послѣ всего этого, что М. Я. Ольшевскій изобразилъ, въ данномъ случаѣ, графа Едокимова, человѣка безпредѣльно преданнаго своему государю и отечеству, возвеличеннаго и облагодѣтельствованнаго царскими милостями, какъ какого нибудь лѣниваго офицера, котораго надо было понукать къ дѣлу, увѣряя, что будто бы только по настоятельному требованію князя Барятинскаго Евдокимовъ вступилъ въ командованіе войсками Кубанской области и будто бы по предначертаніямъ перваго началъ онъ тамъ свои энергическія дѣйствія, тогда какъ князь Барятинскій, какъ выше сказано, вовсе не зналъ этого края, а слѣдовательно и никакихъ опредѣленныхъ предначертаній своихъ не могъ давать въ руководство графу Евдокимову.

Все это личное разсужденіе генер. Ольшевскаго вполнѣ опровергается послѣдующимъ разсказомъ о дѣйствительныхъ, а не мнимыхъ событіяхъ.

На другой день утромъ собравшимся на совѣтъ лицамъ князь Барятинскій, по высочайше предоставленной ему власти, объявилъ, что Филипсонъ назначается начальникомъ главнаго штаба кавказской арміи, а на мѣсто его графъ Евдокимовъ начальникомъ Кубанской области, командующимъ войсками, въ ней расположенными, и наказнымъ атаманомъ Кубанскаго казачьяго войска, съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ начальника Терской области и командующаго въ ней войсками,—словомъ, ему былъ подчиненъ весь сѣверный Кавказъ и предоставлена была полная воля располагать всѣми военными силами и средствами по его усмотрѣнію. По вопросу о заселеніи западнаго Кавказа христіанскимъ населеніемъ, преимущественно казачьимъ, принято было безусловно мнѣніе Филипсона, предполагавшаго

[1]) Бытность князя молодымъ человѣкомъ, въ чинѣ корнета, на восточномъ берегу Чернаго моря, въ одной изъ Вельяминовскихъ экспедицій, гдѣ онъ получилъ тяжелую рану, не могла дать ему этого знанія. И. К.

начать усиленныя переселенія прежде всего цѣлыми казачьими полками, во второй линіи отъ рѣки Кубани поселенными, а именно: 1 Хоперскимъ, 1 Ставропольскимъ, 1 Кубанскимъ и 1 Кавказскимъ, которые были сформированы въ 1832 году изъ обращенныхъ въ казачье сословіе государственныхъ крестьянъ Ставропольской губерніи [1]).

Но этотъ проэктъ Филипсона, какъ увидимъ далѣе, потерпѣлъ, при первомъ же приступѣ къ его выполненію, полное пораженіе по своей непрактичности и по встрѣченному упорному сопротивленію со стороны назначенныхъ въ первую очередь къ переселенію казаковъ 1-го Хоперскаго казачьяго полка, которые требовали, чтобы имъ былъ объявленъ царскій указъ, безъ котораго они на переселеніе не пойдутъ, а таковаго указа предварительно испрошено не было, по упущенію самаго Филипсона, какъ начальника главнаго штаба, полагавшаго, что главнокомандующій имѣетъ полное право на подобныя дѣйствія, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ такого права отъ государя ему предоставлено не было.

Это мнѣніе объ ошибкѣ Филипсона я лично слышалъ отъ самого князя Барятинскаго въ 1863 году въ Царскосельскомъ дворцѣ, гдѣ я представлялся ему въ качествѣ депутата отъ Кубанскаго казачьяго войска, имѣвшаго счастіе поднести покойному государю вѣрноподданническій адресъ отъ этого войска по случаю возникшихъ въ Польшѣ смутъ. Поводомъ же къ разговору объ этомъ были разспросы князя о дѣлахъ на Кавказѣ, причемъ онъ, обративъ вниманіе на мои эполеты и увидѣвъ, что я состою уже въ чинѣ полковника, спросилъ:

— „Вы до сихъ поръ дежурнымъ штабъ-офицеромъ?"

— „Нѣтъ, ваше сіят—во, я теперь командиръ 4 (хоперской) бригады, въ которой, до моего назначенія, 1-й полкъ отказался идти на переселеніе".

---

[1]) Г. Зиссерманъ, въ своихъ возраженіяхъ М. И. Венюкову, который проэктъ заселенія 1861 года приписалъ Забудскому, говоритъ, что этотъ проэктъ былъ будто бы составленъ графомъ Евдокимовымъ еще въ 1860 году и доложенъ имъ лично въ Тифлисѣ князю Барятинскому. Оба они на этотъ счетъ ошибаются. Ниже я подробно говорю: какъ, почему и когда проэктъ: „Положеніе о заселеніи западныхъ предгорій" былъ составленъ и представленъ по начальству и одобренъ высочайшимъ рескриптомъ прямо графу Евдокимову. „Русскій Архивъ" 1884 г., кн. 5. И. К.

Съ этого и начался разговоръ о переселеніи, причемъ я подробно объяснилъ весь ходъ бывшаго возстанія казаковъ, а князь выразилъ мнѣніе, что „Филипсонъ въ этомъ случаѣ сдѣлалъ ошибку, ибо, какъ начальникъ штаба, онъ обязанъ былъ испросить особое высочайшее повелѣніе, причемъ и никакого отказа со стороны казаковъ не было бы“.

На дальнѣйшихъ совѣщаніяхъ было рѣшено территоріальное раздѣленіе Кубанской и Терской областей, причемъ границею между ними назначена была р. Кума, вытекающая изъ главныхъ предгорій, именуемыхъ Кумъ-баши, вблизи Эльборуса, этой самой высокой точки на всемъ горномъ кряжѣ кавказскомъ, до того пункта ниже г. Георгіевска, гдѣ эта рѣка вошла въ Ставропольскую губернію.

Затѣмъ состоялось образованіе казачьихъ войскъ Кубанскаго и Терскаго, въ выше обозначенныхъ предѣлахъ, о чемъ тамъ же, во Владикавказѣ, отданъ былъ приказъ въ силу предоставленныхъ государемъ полномочій на такія преобразованія главнокомандовавшему. Въ этомъ приказѣ атаманами новообразованныхъ войскъ были назначены· Кубанскаго — графъ Евдокимовъ, а подъ нимъ исправлявшимъ эту должность на мѣстѣ въ г. Екатеринодарѣ — начальникъ штаба генералъ Кусаковъ, а Терскаго—исправляющимъ должность наказнаго атамана генералъ Попандопулло, бывшій начальникомъ штаба упраздненнаго Кавказскаго линейнаго войска. Наказный атаманъ послѣдняго, генералъ Рудзевичъ, получилъ назначеніе состоять въ распоряженіи главнокомандовавшаго дѣйствующею арміею въ Польшѣ, гдѣ онъ служилъ прежде.

По рѣшеніи такимъ образомъ всѣхъ вопросовъ, прежде всѣхъ выѣхалъ въ Петербургъ новый военный министръ Д. А. Милютинъ и, конечно, доложилъ объ этомъ государю, а чрезъ три дня отправился въ Тифлисъ и главнокомандовавшій; новые атаманы также выѣхали къ своимъ мѣстамъ,—а вскорѣ затѣмъ переѣхали на новые посты генералъ Филипсонъ—изъ Ставрополя въ Тифлисъ, а графъ Евдокимовъ изъ Владикавказа въ Ставрополь, оставивъ на прежнемъ мѣстѣ помощника князя Святополка-Мирскаго для управленія Терскою областію и войсками, въ ней расположенными.

IV.

По прибытіи въ Ставрополь, первымъ дѣломъ графа Евдокимова было назначеніе комитета для раздѣленія Кавказскаго линейнаго казачьяго войска и образованія новыхъ войскъ Кубанскаго и Терскаго. При этомъ нужно было составить новые штаты войсковыхъ правленій и войсковыхъ дежурствъ обоихъ новыхъ войскъ, раздѣлить пропорціонально народонаселенію денежные капиталы, войсковые доходы и расходы, разныя оброчныя статьи, стипендіи въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и т. п. Этотъ комитетъ былъ составленъ подъ предсѣдательствомъ новаго атамана Терскаго казачьяго войска, генерала Попандопулло, изъ слѣдующихъ лицъ: дежурнаго штабъ-офицера штаба, командовавшаго войсками, полковника Цакни, старшихъ членовъ войсковыхъ правленій: черноморскаго—полковника Лазебникова, кавказскаго — подполковника Булгарина, и дежурнаго штабъ-офицера того же войска, подполковника Кравцова, т. е. меня. На меня же была возложена, сверхъ того, и обязанность дѣлопроизводителя.

Комитетъ въ теченіи двухъ недѣль быстро кончилъ порученное ему важное дѣло. Всѣ предположенія его графъ Евдокимовъ вполнѣ одобрилъ и при своемъ рапортѣ представилъ на усмотрѣніе главнокомандовавшему. Бумаги эти графъ Евдокимовъ поручилъ мнѣ отвезти въ Тифлисъ и представить начальнику главнаго штаба, на тотъ конецъ, что если бы что либо потребовалось по усмотрѣнію главнокомандующаго измѣнить или дополнить въ означенныхъ предположеніяхъ или штатахъ, чтобъ я могъ это сдѣлать тамъ же въ Тифлисѣ, такъ какъ времени до 1 января 1861 года оставалось немного.

Въ Тифлисѣ всѣ изложенныя предположенія и новые штаты были быстро разсмотрѣны генераломъ Филипсономъ, доложены главнокомандовавшему и утверждены княземъ Барятинскимъ безъ всякихъ измѣненій. Вслѣдъ за тѣмъ они были обнародованы при приказѣ по арміи, въ которомъ, по высочайше предоставленной главнокомандовавшему власти, повелѣвалось привести ихъ въ исполненіе съ 1 января наступавшаго 1861 года и открыть того

же числа новыя войсковыя учрежденія. Все это въ точности и было исполнено.

Приведя это дѣло къ концу, такъ какъ безъ этого нельзя было приступить къ выполненію другихъ предположеній, графъ Евдокимовъ занялся другимъ, гораздо важнѣйшимъ дѣломъ, именно: переселеніемъ казаковъ на новыя линіи.

Въ январѣ 1861 г. онъ предписалъ командиру 4-й бригады полковнику Алкину объявить 1-му Хоперскому казачьему полку, въ составъ которой входило 6 станицъ, о предстоящемъ ему весною того же года переселеніи на новыя линіи, со всѣми семействами и имуществомъ, съ тѣмъ, чтобы всѣ казаки приготовились къ выступленію. Съ тѣмъ вмѣстѣ строевой 1-й Хоперскій полкъ, находившійся на полевой службѣ за Лабою, былъ отпущенъ въ свои дома, въ виду предстоявшаго ему переселенія.

Въ исходѣ января начали носиться неясные слухи о нежеланіи казаковъ идти на переселеніе. Въ началѣ марта явилась къ графу Евдокимову депутація отъ 1 Хоперскаго полка, которая объявила какое огромное раззореніе долженъ понести весь полкъ отъ переселенія его въ одинъ разъ, въ полномъ составѣ, и просила разсрочить переселеніе на три года. Графъ не могъ дать такого разрѣшенія и позволилъ депутаціи отправиться съ этою просьбою въ Тифлисъ къ главнокомандующему. Князь Барятинскій былъ въ это время уже такъ тяжело болѣнъ, что не могъ вставать съ постели, тѣмъ не менѣе онъ принялъ депутатовъ, выслушалъ ихъ просьбу и объявилъ, что они должны непремѣнно идти на переселеніе всѣмъ полкомъ, такъ какъ на это есть воля государя императора. Возвратившись изъ Тифлиса, депутаты заявили бригадному командиру, чтобъ имъ былъ объявленъ царскій указъ о переселеніи, безъ чего полкъ не пойдетъ на новыя линіи, потому что начальство переселять ихъ не можетъ безъ воли царя, если же на то его воля, то они готовы идти хоть на край свѣта, хотя бы имъ пришлось въ конецъ раззориться. Одновременно съ этимъ и отъ черноморскихъ трехъ станицъ, назначенныхъ на переселеніе въ полномъ составѣ, были присланы графу Евдокимову просьбы, въ которыхъ приводились тѣ же причины, какія выражали и хоперскіе казаки, и представлялись такія же просьбы о разсрочкѣ переселенія. Но гораздо серіознѣе было заявленіе, поданное генералу Кусакову, а имъ

представленное графу, представителей черноморскаго дворянства, въ которомъ они, опираясь на жалованныя грамоты императрицы Екатерины II, находили подобное переселеніе вовсе несогласнымъ съ ихъ правами. Желая устранить возникающія затрудненія, графъ Евдокимовъ приказалъ послать къ штабу Хоперскаго полка въ Александровскую станицу три баталіона пѣхоты, 4 орудія полевой пѣшей артилеріи и 4 эскадрона драгунъ, въ видѣ угрозы и для понужденія казаковъ къ переселенію. А самъ поскакалъ въ Екатеринодаръ для разъясненій и внушеній протестовавшимъ черноморскимъ дворянамъ. Но тамъ на всѣ его разъясненія, черноморцы отвѣчали одно и то-же, что было ими прежде заявлено. Выведенный изъ терпѣнія ослушниками и выѣзжая обратно въ Ставрополь, графъ Евдокимовъ приказалъ Кусакову арестовать 10 штабъ и оберъ-офицеровъ, наиболѣе вліятельныхъ, и отправить ихъ въ ставропольскій тюремный замокъ. Мѣра эта произвела во всей Черноморіи самое удручающее впечатлѣніе, но вовсе не въ пользу переселенія.

Не успѣлъ онъ пріѣхать въ Ставрополь, какъ получилъ донесеніе съ курьеромъ, что лишь только посланныя войска въ станицу Александровскую приблизились къ ней, какъ все казачье населеніе пришло въ неописанное волненіе, а на другой день къ утру все мужское населеніе всего полка, способное носить оружіе и вооруженное, стремительно собралось въ полковой штабъ и выставило противъ прибывшихъ войскъ два конныхъ полка шести-сотеннаго состава и два пѣшихъ баталіона четырехъ-ротнаго состава, въ полномъ боевомъ порядкѣ, подъ предводительствомъ своихъ выборныхъ начальниковъ изъ нижнихъ чиновъ, самыхъ храбрыхъ и распорядительныхъ урядниковъ, изъ коихъ были назначены одинъ общій и всѣ частные начальники, такъ какъ офицеры всѣ не приняли въ этомъ участія.

Въ то же время ходили слухи, что все казачье населеніе, отъ Каспійскаго моря до Чернаго, всѣми этими событіями было сильно возбуждено.

Въ виду столь критическаго положенія и опасаясь, чтобъ какое нибудь недоразумѣніе или ничтожный случай не возбудилъ кровавой развязки въ Александровѣ между казаками и регулярными войсками, графъ Евдокимовъ тотчасъ командировалъ туда князя Святополка-Мирскаго, съ приказаніемъ: 1) регулярныя

войска тотчасъ возвратить къ своимъ мѣстамъ, и 2) всѣмъ хоперскимъ казакамъ объявить, что онъ, графъ Евдокимовъ, отмѣняетъ вовсе переселеніе цѣлымъ полкомъ, чтобъ они разошлись немедленно по домамъ, занялись обыкновенными своими полевыми хозяйственными дѣлами а что на переселеніе весною 1862 года будетъ испрошено особое высочайшее повелѣніе, которое и будетъ имъ объявлено въ свое время.

Такое же повелѣніе съ курьеромъ было послано и въ Екатеринодаръ для объявленія черноморскимъ станицамъ.

Отъ такой развязки гора упала съ плечъ казаковъ; всюду они, и въ Александровѣ, и во всѣхъ прочихъ станицахъ, отслужили тотчасъ благодарственное моленіе о здравіи государя и объ оставленіи ихъ на своихъ мѣстахъ.

Еще до совершенія этихъ событій, князь Барятинскій, весною, тяжко больной, выѣхалъ въ Петербургъ и болѣе на Кавказъ не возвращался, а генералъ Филипсонъ, получивъ назначеніе сенаторомъ—тоже выбылъ въ Россію.

Сдѣлавъ донесеніе объ изложенныхъ происшествіяхъ въ Тифлисъ командовавшему арміею князю Орбеліани, графъ Евдокимовъ тотчасъ приступилъ къ совѣщанію и составленію предположенія о заселеніи западнаго Кавказа христіанскимъ населеніемъ, преимущественно казачьимъ, но на другихъ основаніяхъ, чѣмъ тѣ, какія предложилъ генералъ Филипсонъ и которыя оказались на практикѣ невыполнимыми. Переселеніе цѣлыми полками представляло дѣйствительно мѣру насильственную и крайне раззорительную для всего казачьяго населенія. Графъ Евдокимовъ избралъ для этого другую систему, именно: нарядъ требующагося каждый годъ числа семействъ на переселеніе, посредствомъ уравнительнаго назначенія со всего населенія Кубанскаго казачьяго войска, живущаго на правой сторонѣ Кубани, на всемъ ея теченіи, на старой линіи, а въ станицахъ этотъ нарядъ долженъ былъ производиться по жребію, частію по приговору обществъ людей неодобрительнаго поведенія, причемъ семействамъ, доставшимся по жребію на переселеніе, предоставлялось право нанимать вмѣсто себя другія семейства, по взаимному согласію, лишь бы нанимающееся семейство числомъ членовъ своихъ было равное или почти равное тому, которое нанимаетъ. Вызывались также и охотники, которымъ обѣщана была и потомъ

точно выполнена добавка земли по 5 десят. на каждую мужскую душу въ личное потомственное владѣніе, независимо отъ обыкновенныхъ душевыхъ надѣловъ, составляющихъ общинное землевладѣніе. Такая система практиковалась предъ тѣмъ 20 лѣтъ при заселеніи передовыхъ линій: Лабинской, на военно-грузинской дорогѣ, и Сунженской, только въ гораздо меньшихъ размѣрахъ; съ нею народъ былъ уже знакомъ и она не представляла для него такихъ ужасающихъ бѣдствій и раззоренія, какъ переселеніе цѣлыми полками. При этой системѣ дома, сады, рощи, хутора и прочее имущество переселенныхъ продавалось своимъ же станичникамъ за выгодную цѣну; сверхъ того оставшіеся на мѣстахъ дѣлали складчину подворную деньгами и давали пособія переселяющимся, большею частію гораздо превышавшія пособія отъ правительства.

Составленіе объ этомъ представленія высшему начальству и Положенія о заселеніи предгорій западнаго Кавказа графъ Евдокимовъ возложилъ на начальника штаба своего, генерала Забудскаго, придавъ ему меня помощникомъ, такъ какъ въ то время я состоялъ въ его распоряженіи.

Оба мы были люди молодые, энергичные и къ тому же были въ дружескихъ отношеніяхъ. Мы раздѣлили предстоящій трудъ на двѣ части: Забудскій принялъ на себя изложеніе общихъ мѣръ и средствъ, на то потребныхъ, въ связи съ выполненіемъ военныхъ операцій, я же—спеціальное изложеніе наряда, переселенія, водворенія на новыхъ мѣстахъ, льготъ, пособій и т. п. Всѣ эти предположенія въ тогдашнее горячее время были составлены, провѣрены, обсужены и подписаны графомъ Евдокимовымъ въ теченіи одной недѣли; работали мы день и ночь,—и съ курьеромъ представлены въ г. Тифлисъ, а оттоль съ фельдъегеремъ отправлены въ Петербургъ.

Послѣ этого прошло полтора мѣсяца и въ іюлѣ того же 1861 года присланъ былъ прямо изъ Петербурга въ Ставрополь съ фельдъегеремъ къ графу Евдокимову именной высочайшій рескриптъ отъ 24 іюня, въ которомъ въ главныхъ чертахъ была одобрена представленная имъ система переселеній и повелѣвалось привести ее въ исполненіе; причемъ переселяемымъ пожаловано было пособіе на новое водвореніе болѣе чѣмъ вдвое противъ прежняго, а именно, вмѣсто 71 р. по 150 р. на каждое семейство.

Для выслушанія этого высочайшаго повелѣнія, безъ малѣйшаго промедленія, были собраны въ ст. Михайловскую, близъ г. Ставрополя, на 1-е августа, депутаты отъ шести линейныхъ бригадъ, въ числѣ 60 штабъ и оберъ-офицеровъ и 240 нижнихъ чиновъ—стариковъ. При объявленіи этого рескрипта присутствовалъ и я, уже въ качествѣ командира 4-й бригады, съ 40 депутатами отъ 14 станицъ, составлявшихъ эту бригаду. Въ командованіе ею, на мѣсто смѣненнаго полковника Алкина, я вступилъ только 13-го іюля 1861 года, всего за двѣ недѣли до объявленія рескрипта, а посланъ я туда былъ графомъ Евдокимовымъ, какъ уроженецъ изъ старыхъ хоперскихъ казаковъ, извѣстный народу, а потому графъ и выразилъ мнѣ надежду при отправленіи, что я съумѣю не только водворить нарушенный тамъ порядокъ въ 1-мъ полку, но и сдѣлать нарядъ съ возмутившихся станицъ на переселеніе хотя и по жребію, но въ трое большій, чѣмъ въ старыхъ станицахъ, непричастныхъ бунту.

Все это я и выполнилъ въ точности, не безъ затрудненій, но выполнилъ.

Объявленіе высочайшаго рескрипта было совершено при множествѣ стекшагося съ окрестныхъ станицъ казачьяго населенія въ торжественной обстановкѣ, послѣ богослуженія въ мѣстной церкви, а потомъ послѣ благодарственнаго молебствія на площади, противъ бывшаго атаманскаго дома; причемъ графъ Евдокимовъ лично обносилъ предъ всѣми депутатами высочайшій рескриптъ и приглашалъ грамотныхъ казаковъ посмотрѣть собственноручную подпись его величества. Послѣ этого Евдокимовъ тутъ же передалъ подлинный рескриптъ генералу Иванову, назначенному только предъ тѣмъ для управленія Кубанскимъ казачьимъ войскомъ, въ качествѣ его помощника, на мѣсто генерала Кусакова, получившаго другое назначеніе, для такого же торжественнаго объявленія въ г. Екатеринодарѣ всѣмъ черноморскимъ станицамъ.

Это торжественное объявленіе высочайшей воли закончилось, по русскому обычаю, угощеніемъ — обѣдомъ всѣхъ присутствовавшихъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ въ атаманскомъ домѣ, а нижнихъ чиновъ на площади передъ нимъ въ раскинутыхъ нарочито палаточныхъ наметахъ, причемъ многократно про-

возглашались тосты за здравіе государя при неумолкаемыхъ кликахъ ура!

Всѣ казаки послѣ этого вздохнули свободно.

V.

11-го сентября 1861 года покойный государь, высадившись въ Тамани, посѣтилъ Темрюкъ, Екатеринодаръ, укрѣпл. Григорьевское, Усть-Лабу, Майкопъ, лагери отрядовъ близъ укр. Хамкеты и станицы Царской, гдѣ въ урочищѣ Мамрюкъ-очай, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ ночевалъ государь въ палаткѣ, стоитъ нынѣ отлитый изъ бронзы бюстъ въ Бозѣ почившаго императора Александра II.

Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ и въ этой самой палаткѣ покойный графъ Евдокимовъ имѣлъ счастіе, 18 сентября, докладывать покойному императору свой планъ покоренія западнаго Кавказа.

Графъ Евдокимовъ доложилъ государю, что онъ распредѣляетъ военныя дѣйствія на пять лѣтъ.

На это государь возразилъ, что врядъ ли западныя державы дадутъ ему столько времени для окончанія его задачи.

Тогда графъ отвѣтилъ, что срокъ этотъ онъ назначаетъ въ виду могущихъ встрѣтиться неожиданныхъ препятствій, но что онъ надѣется кончить ранѣе, хотя теперь и не можетъ точно опредѣлить времени окончанія войны. Изложивъ затѣмъ, въ главныхъ чертахъ, планъ покоренія (съ которымъ читатель уже знакомъ изъ описаннаго мною выше совѣщанія у князя Барятинскаго во Владикавказѣ), графъ присовокупилъ:

— „Осмѣливаюсь доложить вашему величеству, что, по окончаніи войны, на войска, ее довершившія, нельзя уже будетъ разсчитывать,—потому что всѣ силы ихъ пойдутъ на завершеніе дѣла, и они окажутся неспособными къ продолженію службы“.

Государь при этихъ словахъ порывисто всталъ и воскликнулъ:

— „Что ты говоришь, Николай Ивановичъ? Вѣдь это ужасно!“

Графъ отвѣчалъ:

— „Государь! я полагаю лучшимъ и болѣе выгоднымъ потерять

на это одно нынѣшнее поколѣніе, чѣмъ, затянувъ медленными дѣйствіями войну, терять постепенно, какъ то дѣлалось до послѣдняго времени, ежегодно значительныя силы, не достигая конечной цѣли".

— „Ну, будь по твоему",—печально отвѣтилъ государь.

При этомъ же докладѣ государь затронулъ вопросъ о бывшихъ безпорядкахъ въ 1 Хоперскомъ полку, тоже вышеописанныхъ въ 3 гл. этой статьи. На это графъ отвѣчалъ, что „ считаетъ себя виновнымъ въ нихъ и не можетъ себѣ этого простить, ибо, будучи уроженцемъ той мѣстности и зная хорошо бытъ казаковъ, онъ поддался удобному предложенію (Филипсона) переселенія массами всего населенія, не вникнувъ ближе въ интересы переселяемыхъ".

Весь этотъ разговоръ показываетъ графа Евдокимова человѣкомъ прямодушнымъ, рѣшительнымъ и твердо идущимъ къ намѣченной цѣли. Извѣстно также всѣмъ, что, припявъ на себя вину за безпорядки по переселенію, онъ ничуть въ нихъ не былъ виноватъ.

Все это изложеніе основано на дословной передачѣ бывшаго начальника штаба графа — генерала Забудскаго, въ тотъ же день, со словъ самого графа нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ, изъ коихъ нѣкоторыя еще находятся въ живыхъ и могутъ все это подтвердить въ точности.

На другой день государь выѣхалъ далѣе въ верховья Лабы, осмотрѣлъ по пути только-что начавшую водворяться станицу Андрюковскую и, проѣхавъ еще нѣсколько старыхъ станицъ, на почлегъ прибылъ въ ст. Лабинскую, гдѣ была представлена его величеству депутація отъ шести линейныхъ казачьихъ бригадъ, въ числѣ 60 штабъ и оберъ-офицеровъ и 240 старыхъ заслуженныхъ урядниковъ и казаковъ, тѣхъ самыхъ, которые были 1 августа въ ст. Михайловской при объявленіи высочайшаго рескрипта о переселеніи.

При этомъ случаѣ государь обнаружилъ замѣчательную память и большое пониманіе народнаго духа. Завидѣвъ еще издали стоявшаго въ ряду депутатовъ стараго гвардейскаго своего конвоя урядника Поцвирова Бѣломечетской станицы, болѣе 10 лѣтъ жившаго въ отставкѣ и обросшаго сѣдою бородою, госу-

дарь, съ видимымъ удовольствіемъ, узналъ его и обратился къ нему съ такимъ привѣтомъ:

— „А! здравствуй, Поцвировъ; очень радъ тебя видѣть! какъ ты поживаешь?“

— Слава Богу, ваше величество, — отвѣчалъ Поцвировъ. — Позвольте узнать, продолжалъ онъ, какъ здоровье ея величества государыни императрицы?

— „Она здорова, слава Богу, и приказала всѣмъ вамъ кланяться“,—отвѣчалъ государь.—„А ты помнишь Калаушина?“— снова спросилъ государь.

Урядникъ Калаушинъ Баталпашинской станицы служилъ камеръ-казакомъ при покойной императрицѣ и умеръ отъ чахотки.

— Какъ не помнить, ваше величество,—отвѣчалъ Поцвировъ.

— „Онъ, бѣдный, все хвораетъ; жаль его, хорошій человѣкъ; онъ тоже всѣмъ старымъ сослуживцамъ кланяется“,—снова сказалъ государь.

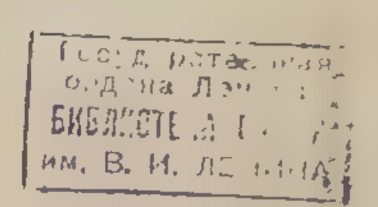
Этотъ разговоръ, похожій на разговоръ двухъ давно не видавшихся сосѣдей, съ передачею поклоновъ, въ чисто народномъ духѣ, могущественнѣйшаго монарха съ простымъ казакомъ видимо тронулъ до глубины души всѣхъ депутатовъ, отвѣчавшихъ на эти милостивыя слова громогласнымъ и продолжительнымъ „ура!“

Послѣ отъѣзда его величества и по прибытіи въ дома депутатовъ, только и было рѣчи о томъ, какимъ милостивымъ разговоромъ удостоилъ государь Поцвирова.

Всему этому я былъ очевидецъ, какъ имѣвшій счастіе представлять депутатовъ по приказанію графа Евдокимова и сопровождавшій довольно близко государя по протяженію всего длиннаго фронта депутатовъ, загнутаго глаголемъ до самой квартиры его величества.

На слѣдующій день государь изволилъ отправиться по Лабинской и Кубанской линіямъ въ г. Екатеринодаръ, а потомъ по пути осмотрѣлъ линію Адагумскую и укрѣпленія: Крымское, Неберджайское и Константиновское, гдѣ его величество сѣлъ на пароходъ „Тигръ“ и отплылъ въ Крымъ.

Во все время этого путешествія на западномъ Кавказѣ, государь былъ одѣтъ въ казачью форму собственнаго его величества конвоя, что видимо было пріятно для всего казачьяго насе-

ленія, которое почитало это милостивымъ знакомъ монаршаго къ нему вниманія.

Въ это же путешествіе государь, и въ Екатеринодарѣ, и въ ст. Лабинской, простилъ всѣхъ казаковъ, принимавшихъ участіе въ происшедшихъ безпорядкахъ по переселенію, арестованныхъ повелѣлъ освободить и начатыя о нихъ дѣла прекратить и предать забвенію.

10-го мая 1862 года высочайше утверждено Положеніе, представленное графомъ Евдокимовымъ, какъ выше сказано, въ 1861 году, о заселеніи казаками предгорій западнаго Кавказа, въ основаніе котораго вошелъ приведенный выше высочайшій рескриптъ на имя графа Евдокимова, отъ 24-го іюня 1861 года.

VI.

Не смотря на возникшія затрудненія по колонизаціи, въ 1861 году все-таки было поселено по предгоріямъ 11 станицъ, въ числѣ 1,763 семействъ [1]).

Новое положеніе, въ основаніе коего легли гуманныя начала, разныя облегченія, льготы и пособія, двинуло дѣло заселенія западнаго кавказа, вмѣстѣ съ военными успѣхами нашихъ войскъ, весьма быстро.

Послѣ высочайшаго путешествія, зимою съ 1861 на 1862 г., войска наши очистили отъ туземнаго населенія всѣ предгорія Черныхъ горъ между Лабой и Бѣлой, долину между Черными горами и главнымъ хребтомъ, и часть земель натухайцевъ, отъ р. Адагума до Чернаго моря.

Въ 1862 году поселено 28 станицъ, съ 4,387 семействами.

Въ 1863 году — 20 станицъ, въ числѣ 3,541 семейства. Послѣ такихъ результатовъ въ колонизаціи, въ 1864 году, на сѣвер-

---

[1]) Весь ходъ колонизаціи мнѣ вполнѣ извѣстенъ; но для большей вѣрности всѣ свѣдѣнія о числѣ переселенныхъ заимствованы мною изъ монографіи почтеннаго изыскателя кавказской старины—Іосифа Викентьевича Бентковскаго: „Заселеніе западныхъ предгорій Кавказа". Эту монографію онъ составилъ по архивнымъ источникамъ ставропольскаго военнаго архива.
И. К.

номъ склонѣ во власти горцевъ осталось только пространство между рр. Илемъ и Пшимемъ, и весь южный склонъ хребта отъ Бзыбы до Константиновскаго укрѣпленія.

Въ 1864 году колонизація Закубанскаго края приняла усиленные размѣры и съ этою цѣлію въ томъ году возведено 24 станицы и поселено въ нихъ 4,417 семействъ.

Въ 1865 году на дополненіе станицъ, водворенныхъ въ предъидущіе годы, переселено еще 1,500 семействъ.

Такимъ образомъ, съ 1861 г. по 1865 годъ включительно на западномъ Кавказѣ было водворено русскаго населенія около 90 станицъ и поселковъ, и въ нихъ до 16,000 семействъ. Въ это число вошло офицерскихъ семействъ Кубанскаго войска – 147, казачьихъ бывшаго Черноморскаго войска — 3,850, Кавказскаго линейнаго—4,490, Терскаго—51, Донскаго—1,008, Азовскаго—1,051, Оренбургскаго—425, Уральскаго—83; женатыхъ нижнихъ чиновъ Кавказской арміи—1,014; всѣ прочіе переселенцы были изъ мѣщанъ и крестьянъ разныхъ городовъ и губерній.

Въ общемъ итогѣ колонизація западнаго Кавказа совершилась вполнѣ удачно, благодаря гуманнымъ началамъ Положенія 1862 года, составленнаго графомъ Евдокимовымъ, замѣнившимъ спѣшныя и крутыя мѣры первоначальныхъ распоряженій.

Описаніе военныхъ дѣйствій за тотъ же періодъ времени не входитъ въ настоящій мой очеркъ, вызванный Записками генер. отъ инфантеріи М. Я. Ольшевскаго. Но я не могу оставить безъ разъясненія того обстоятельства, которое приводитъ г. Ольшевскій въ своей статьѣ, а именно: что будто бы „отъ одного сосредоточенія всѣхъ свободныхъ войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, а въ особенности всѣхъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, представлявшихъ массу нарѣзнаго оружія, и совершилось быстрое покореніе западнаго Кавказа“.

Все это, конечно, такъ, хотя вовсе не такъ просто совершилось. Но авторъ проходитъ полнѣйшимъ молчаніемъ участіе въ этомъ покореніи Кубанскаго и частію Терскаго казачьихъ войскъ, участіе, которое было главною причиною быстраго покоренія, конечно, въ совокупности съ войсками регулярными.

Кубанское казачье войско выставило въ составъ дѣйствовавшихъ отрядовъ отъ верховьевъ Лабы и Бѣлой до берега моря у Анапы, на пространствѣ около 500 верстъ, 24 полка отличной

конницы, силою въ 20 тыс. всадниковъ, и 10 пѣшихъ пластунскихъ баталіоновъ, силою въ 10 тыс. штыковъ, всего никакъ не менѣе 30 тыс., снабженныхъ не казною, а на свой счетъ, ударнымъ нарѣзнымъ оружіемъ. Всѣ эти части составляли въ тѣхъ-же отрядахъ авангарды, рекогносцировочныя колонны и развѣдочныя партіи, а также охраняли всѣ передовыя линіи цѣпью постовъ и пикетовъ; они шли постоянно впереди регулярныхъ войскъ, составлявшихъ главную силу, и ихъ нарѣзной огонь первый поражалъ непріятеля. А если къ этому добавить еще, что позади главныхъ нашихъ силъ тянулись безчисленныя колонны переселенческихъ транспортовъ тѣхъ же кубанскихъ казаковъ, для водворенія на показанныхъ мѣстахъ казачьихъ станицъ, закрѣплявшихъ за нами очищенную отъ непріятеля страну, въ которой, однако, горцы рыскали мелкими партіями во всѣхъ направленіяхъ для нанесенія намъ возможнаго вреда,—то будетъ ясно, что не только войска регулярныя, не только строевыя казачьи части, но и все переселяемое населеніе несли огромнѣйшіе труды, лишенія и нужды на это покореніе страны,—о чемъ не можетъ имѣть яснаго понятія только тотъ, кто не видалъ всего этого на мѣстѣ и до котораго это дѣло вовсе не касалось.

По ходатайству графа Н. И. Евдокимова главнокомандовавшій Кавказскою арміею великій князь Михаилъ Николаевичъ, вѣрный цѣнитель этихъ трудовъ и жертвъ кубанскихъ казаковъ, исходатайствовалъ высочайшее пожалованіе за покореніе западнаго Кавказа Кубанскому казачьему войску большаго Георгіевскаго знамени и 14 коннымъ полкамъ—Георгіевскихъ же полковыхъ знаменъ, что, какъ извѣстно, составляетъ высшую военную награду частямъ войскъ; всѣ прочіе полки и баталіоны получили другія соотвѣтственныя награды.

Извѣстно также, что въ концѣ втораго года военныхъ дѣйствій, когда абадзехи, изгнанные изъ верховьевъ Лабы и Бѣлой, и изъ долинъ между Черными горами и главнымъ хребтомъ, увидѣли, что за главными силами русскихъ войскъ тянутся безчисленные переселенческіе транспорты, которые и водворяются на прежнихъ, имъ принадлежавшихъ, мѣстахъ, они совершенно пали духомъ, а за ними: шапсуги, убыхи, бжедухи, натухайцы и прочіе. Всѣ эти народы поняли тогда, что для нихъ остается одно спасеніе — уходить въ Турцію. Они обратились къ графу

Евдокимову съ просьбою: не препятствовать имъ переселяться въ Турцію. Графъ не только уважилъ эту просьбу, но и обѣщалъ съ своей стороны полное къ тому содѣйствіе.

Съ этою цѣлію посланы были по всему прибрежью Чернаго моря разные агенты нанимать всѣ свободныя суда для перевозки горцевъ. Отправленіе ихъ пошло быстро, судовъ разныхъ типовъ, отъ пароходовъ до турецкихъ кочермъ, явилось множество; переселенцы горскіе отправлялись и въ Константинополь, и въ Синопъ, и въ Трапезондъ, наконецъ, приставали къ азіатскому берегу, гдѣ случалось, на всемъ этомъ обширномъ пространствѣ.

Счетъ отправляющимся переселенцамъ хотя и былъ веденъ, но далеко не полный, такъ какъ горцы отправлялись и помимо того на всѣхъ судахъ, какія только приставали къ нашимъ берегамъ.

Полагали въ то время приблизительно, что всѣхъ горцевъ переселилось въ Турцію болѣе 500 тыс. душъ обоего пола, изъ коихъ, надо полагать, пятая часть потонула въ Черномъ морѣ на турецкихъ кочермахъ, переполненныхъ переселенцами, и умерла отъ сильно распространившагося тифа.

Послѣ покоренія западнаго Кавказа, осталось въ Кубанской области всего горскаго населенія только 80 тыс. душъ обоего пола. Изъ нихъ давно покорныхъ абазинскаго и ногайскаго племени 40 тыс. въ Баталпашинскомъ уѣздѣ, поселенныхъ въ верховьяхъ Кубани и по рр. Большому и Малому Зеленчукамъ и Урупу, а остальные 40 тыс., изъ вновь покоренныхъ абадзеховъ и другихъ племенъ, находятся въ Майкопскомъ и Закубанскомъ уѣздахъ. Все это горское населеніе вполнѣ обезоружено и водворено между казачьими станицами; оно составляетъ въ общемъ народонаселеніи Кубанской области нынѣшняго времени, достигающемъ почти милліона душъ, едва $^{1}/_{12}$ часть и даже менѣе.

Съ 22-го по 24-е февраля 1864 года, Даховскій отрядъ, подъ начальствомъ генерала Геймана, совершилъ переходъ чрезъ главный хребетъ на южную сторону въ долину Туапсе и занялъ бывшее укрѣпленіе Вельяминовское, на берегу Чернаго моря. Здѣсь Гейманъ разбилъ нѣсколько партій убыховъ и шапсуговъ, которые затѣмъ покорились, и занялъ бывшій фортъ Головинскій.

25-го марта 1864 г. Даховскій же отрядъ Геймана занялъ бывшее укрѣпленіе Навагинское при устьѣ р. Сочи, чѣмъ и кончились военныя дѣйствія.

21-го мая 1864 года къ устью р. Сочи, съ моря, на пароходѣ отъ Сухума, прибылъ главнокомандовавшій Кавказскою арміею великій князь Михаилъ Николаевичъ со свитою и съ частію войскъ, а съ сѣверной стороны главнаго хребта графъ Евдокимовъ; было совершено торжественное благодарственное молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія государю императору и всему храброму всероссійскому воинству и объявлено окончаніе Кавказской войны.

Въ концѣ іюня 1864 года въ Есентуки, въ 18 верстахъ отъ Пятигорска, гдѣ графъ Евдокимовъ пользовался есентукскими минеральными водами, курьеръ доставилъ ему пожалованный покойнымъ императоромъ Александромъ II орденъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія 2-й степени со звѣздою, при нижеслѣдующей высочайшей грамотѣ 15-го іюня того же года, изъ Киссингена.

„Нашему генералъ-адъютанту, генералу отъ инфантеріи, начальнику Кубанской области и командующему войсками въ оной, графу Николаю Евдокимову.

„Представленное вами въ 1860 году и одобренное нами предположеніе о способѣ дѣйствій для скорѣйшаго окончанія войны на западномъ Кавказѣ увѣнчалось нынѣ блистательнымъ успѣхомъ, превзошедшимъ даже ожиданія наши быстрымъ достиженіемъ цѣли, доказывающимъ основательность принятыхъ по соображеніямъ вашимъ мѣръ.

„Въ три года времени умиротворенный и совершенно очищенный отъ враждебнаго намъ туземнаго населенія западный Кавказъ, уже въ большей части своей, занятъ прочно водворенными русскими населеніями и долговременная кровопролитная война окончена, избавляя государство отъ огромныхъ жертвъ, въ теченіи полутораста лѣтъ его обременявшихъ, и доставляя ему обширный и богатый край, который современемъ несомнѣнно съ избыткомъ вознаградитъ эти прежнія пожертвованія.

„Высокія заслуги ваши, оказанныя, какъ составленіемъ предположенія къ достиженію сей цѣли, такъ и отличнымъ исполненіемъ онаго, увѣнчавшимъ распорядительность вашу полнымъ успѣхомъ, а командуемыя вами храбрыя войска новою славою пріобрѣли вамъ право на особенную и искреннѣйшую нашу признательность.

„Въ изъявленіе оной и въ воздаяніе вышеозначенныхъ заслугъ вашихъ, жалуемъ васъ кавалеромъ императорскаго ордена нашего святаго великомученика и побѣдоносца Георгія второй степени, знаки коего, при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ императорскою нашею милостію навсегда благосклонны. Александръ.“

———

VII.

Окончивъ покореніе западнаго Кавказа, а съ нимъ и вѣковую кавказскую войну, графъ Н. И. Евдокимовъ, осенью 1864 г., отправился въ Петербургъ, чтобы имѣть счастіе представиться облагодѣтельствовавшему его незабвенному государю императору; былъ принятъ его величествомъ чрезвычайно милостиво и, согласно личной его просьбѣ, уволенъ на покой. Ему былъ предложенъ въ командованіе военный округъ, но онъ отъ всего отказался и выразилъ желаніе провести остатокъ жизни въ совершенномъ покоѣ. Графъ былъ пожалованъ шефомъ своего прежняго Дагестанскаго пѣхотнаго полка, который онъ самъ сформировалъ, и назначенъ состоять при его императорскомъ высочествѣ главнокомандовавшемъ Кавказскою арміею. Н. И. Евдокимову было назначено содержаніе: пенсіи 10,000 руб. и жалованья со столовыми 8,000 р., всего 18,000 р.

У старыхъ хоперскихъ казаковъ есть пѣсня изъ временъ Кавказской войны:

Не сизы-то орлы
Сы-горъ слеталися,
Соѣзжалися князья горскіе
Къ князю Джембулатову...

Вѣсть объ удаленіи графа Евдокимова на покой быстро облетѣла весь сѣверный Кавказъ и вызвала всеобщее, искреннѣйшее, самое неподдѣльное, желаніе у всѣхъ устроить въ г. Ставрополѣ торжественный прощальный обѣдъ своему славному и доблестному предводителю Кавказскихъ войскъ.

Подобно „сизымъ-орламъ, сы-горъ слетавшимся“, еще до возвращенія графа изъ Петербурга недѣли за двѣ и болѣе, съѣхались въ Ставрополь всѣ рѣшительно военачальники славныхъ Кавказскихъ войскъ, сподвижники и сослуживцы графа, въ лицѣ дивизіонныхъ начальниковъ, бригадныхъ, полковыхъ, баталіонныхъ, батарейныхъ командировъ и прочихъ отдѣльныхъ начальниковъ, а съ ними отъ каждой части по 1 штабъ и по 2 оберъ-офицера и по нѣсколько человѣкъ унтеръ-офицеровъ, урядниковъ, рядовыхъ и казаковъ, все украшенныхъ георгіевскими крестами, такъ что

однихъ частныхъ начальниковъ было до 100, а всѣхъ собравшихся не менѣе 400 генераловъ и офицеровъ и 1000 нижнихъ чиновъ.

30 декабря 1864 года графъ съ семействомъ возвратился изъ Петербурга въ Ставрополь. 2 января 1865 года состоялся торжественный обѣдъ въ залахъ городской думы, при чемъ за столы сѣло, съ приглашенными городскими гостями, не менѣе 600 особъ, а всѣмъ нижнимъ чинамъ были накрыты столы передъ домомъ городской думы въ палаточныхъ наметахъ. Всѣ были одѣты въ полную парадную форму съ эполетами, орденами, а генералы въ лентахъ и звѣздахъ. На временно устроенныхъ хорахъ было много городскихъ дамъ и другихъ зрителей. Два хора музыки играли во время стола. Все это, въ совокупности взятое, представляло самую торжественную, восхитительную картину. Послѣ втораго блюда начались торжественные тосты: первый, какъ всегда и вездѣ на всемъ обширнѣйшемъ пространствѣ царства Русскаго, за драгоцѣнное здоровье обожаемаго всѣми Монарха, освободившаго отъ рабства свой народъ и въ царствованіе котораго такъ счастливо кончилась полуторавѣковая война Кавказская. Второй за главнокомандовавшаго Кавказскою арміею, великаго князя Михаила Николаевича, съ достоинствомъ подвизавшагося на боевомъ поприщѣ при окончаніи войны. Оба эти тоста сопровождались и въ залахъ и на дворѣ продолжительными кликами „ура“ присутствовавшихъ за обѣдомъ, а также на хорахъ, передъ домомъ обѣдавшаго войска и собравшагося во множествѣ народа.

Настала очередь тоста за здоровье боеваго вождя кавказскихъ войскъ, графа Николая Ивановича Евдокимова. Водворилась полная тишина. Первую прекрасную, прочувствованную рѣчь, предварительно разсмотрѣнную и одобренную всѣми частными начальниками, произнесъ отъ имени всѣхъ войскъ — командиръ 1-й бригады Кубанскаго казачьяго войска полковникъ Зиссерманъ, самъ составитель этой рѣчи, извѣстный писатель и краснорѣчивый ораторъ. Когда онъ кончилъ и провозгласилъ торжественный тостъ за здоровье графа Евдокимова — восторженнымъ и продолжительнымъ кликамъ „ура“ не было конца.

На эту рѣчь графъ отвѣчалъ выраженіемъ глубокой и искренной признательности всѣмъ „слетѣвшимся сизымъ орламъ“, сво-

имъ боевымъ храбрымъ сподвижникамъ, за оказанную ему высокую честь, благодарилъ отъ имени государя за вѣрную, честную и боевую службу и провозгласилъ торжественный тостъ за ихъ и за предводительствуемыя ими храбрыя Кавказскія войска здоровье. Тутъ кликамъ восторга не было предѣловъ! Затѣмъ послѣдовательно произносили рѣчи представители пѣхоты—этой основной нашей боевой силы, кавалеріи, регулярной и казачьей, и артиллеріи и даже, къ удивленію всѣхъ, произнесъ рѣчь представитель покорившихся горцевъ: онъ благодарилъ графа за дарованіе оставшимся на Кавказѣ его соотечественникамъ хорошихъ земель и полнаго спокойствія отъ долговременныхъ бранныхъ тревогъ. Коротко и умнó.

Въ этотъ моментъ славный вождь Кавказскихъ войскъ графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ былъ въ апогеѣ его славы. Имя его, по признанію самого монарха, озарилось ореоломъ величія боевыхъ его подвиговъ, и мы всѣ кавказцы, горячо любящіе свое отечество, вѣримъ глубоко, что это славное имя не будетъ никогда забыто въ памяти великаго русскаго народа и въ его историческихъ сказаніяхъ, доколѣ будетъ существовать на свѣтѣ этотъ могущественный народъ.

На другой день графъ далъ всѣмъ бывшимъ на торжественномъ обѣдѣ балъ, продолжавшійся съ роскошнымъ ужиномъ и возобновившимися тостами и бурными кликами до 4-хъ часовъ утра. Затѣмъ всѣ распрощались съ своимъ славнымъ вождемъ и разъѣхались по своимъ мѣстамъ.

Такъ кончилъ свое боевое поприще кавказскій герой гр. Н. И. Евдокимовъ и такъ горячо и съ выраженіемъ самой глубочайшей и безпредѣльной къ нему преданности и признательности разстались съ нимъ его боевые сослуживцы и сподвижники — эти „сизые кавказскіе орлы“, память о которыхъ не умретъ никогда въ самомъ отдаленномъ потомствѣ.

Возможны ли были бы такіе единодушные, сердечные, никогда небывалые, можно сказать, историческіе проводы и прощаніе съ графомъ Евдокимовымъ всѣхъ его сослуживцевъ, если бы они его глубоко не почитали? Въ этомъ блестящемъ сонмѣ кавказскихъ героевъ было не мало людей самостоятельныхъ, даровитыхъ, умныхъ и весьма образованныхъ. Слѣдовательно, никакого подобострастія въ этихъ проводахъ и тѣни не было, тѣмъ болѣе, что графъ возвратился изъ Петербурга частнымъ лицомъ,

а не ихъ начальникомъ. Къ этому нужно добавить, что самъ авторъ Записокъ—отвѣтомъ на которыя служитъ настоящій очеркъ, глубоко уважаемый ветеранъ М. Я. Ольшевскій не только принималъ живое участіе въ этомъ прощальномъ обѣдѣ, но какъ старшій изъ генераловъ, по общей нашей просьбѣ, отъ имени всѣхъ поднесъ графу Н. И. Евдокимову на память альбомъ съ фотографическими портретами всѣхъ частныхъ начальниковъ, а въ томъ числѣ и свой собственный. Этотъ альбомъ графиня Александра Александровна Евдокимова подарила кавказскому музею въ Тифлисѣ.

Спустя 8 лѣтъ, проведенныхъ бо̀льшею частію въ полномъ уединеніи около г. Пятигорска, въ устроенномъ имъ хуторѣ, названномъ „Новый Ведень", на пожалованной ему землѣ, ниже Желѣзноводска,—славный кавказскій герой, графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ, скончался въ Пятигорскѣ 22 мая 1873 года. Онъ погребенъ съ подобающими воинскими почестями, подлѣ соборнаго городскаго храма, стоящаго на холмѣ, у начала городскаго бульвара, ведущаго къ пятигорскимъ минеральнымъ источникамъ. На его могилѣ супруга его, вдова графиня Александра Александровна, поставила прекрасный памятникъ, въ формѣ небольшой часовни, изъ сѣраго кавказскаго гранита; внутри его на восточной сторонѣ поставленъ въ золоченой рамѣ образъ Спасителя, предъ которымъ горитъ неугасаемая лампада, а на гранитной тумбѣ стоитъ мраморный грудной бюстъ покойнаго героя, очень схожій съ своимъ подлинникомъ; все это выполнено вполнѣ художественно.

Въ іюнѣ 1873 года прибылъ въ Пятигорскъ главнокомандовавшій Кавказскою арміею великій князь Михаилъ Николаевичъ. Въ то время подъ городомъ былъ лагерный сборъ всѣхъ четырехъ полковъ 38 пѣхотной дивизіи, съ шестью артиллерійскими батареями, двухъ драгунскихъ и одного казачьяго полковъ. На другой день своего пріѣзда великій князь отслужилъ панихиду на могилѣ покойнаго графа, на которой были всѣ генералы и частные начальники въ полной парадной формѣ, а также отъ всѣхъ частей войскъ по 1 штабъ-офицеру и по 2 оберъ-офицера, по 1 унтеръ-офицеру и по два рядовыхъ. По окончаніи панихиды его императорское высочество удостоилъ своимъ посѣщеніемъ графиню Александру Александровну Евдокимову, съ которою долго бесѣдовалъ.

Вслѣдъ за этимъ, во всѣхъ народныхъ календаряхъ, начиная съ 1874 года, въ числѣ скончавшихся замѣчательнѣйшихъ русскихъ людей, за май мѣсяцъ, между знаменитымъ историкомъ Карамзинымъ и краснорѣчивѣйшимъ духовнымъ витіею Иннокентіемъ, архіепископомъ Херсонскимъ, появилось новое имя: „Евдокимовъ, графъ, † 1873 года, покоритель Кавказа". Коротко и ясно.

Въ заключеніе моего отвѣта, приведу свидѣтельства одного высокопоставленнаго лица, игравшаго въ свое время важную роль на Кавказѣ. Генералъ отъ инфантеріи Григорій Ивановичъ Филипсонъ, считавшійся въ свое время однимъ изъ отличнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба и бывшій человѣкомъ дѣйствительно высокихъ нравственныхъ качествъ, находившійся въ послѣднее время съ графомъ, какъ извѣстно, въ холодныхъ отношеніяхъ, изъ-за критики послѣднимъ его проекта о покореніи западнаго Кавказа,—въ своихъ Запискахъ, напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ" за 1883 годъ, отдавъ должную дань справедливости важнымъ заслугамъ графа Евдокимова, признался откровенно, что если бы ему, Филипсону, было поручено покореніе западнаго Кавказа, онъ никогда бы не могъ такъ быстро и съ такими рѣшительными и блистательными результатами этого выполнить, какъ сдѣлалъ то графъ Николай Ивановичъ Евдокимовъ.

VIII.

Сказанія современниковъ о графѣ Евдокимовѣ, игравшемъ такую выдающуюся роль въ покореніи сѣвернаго Кавказа, объ этомъ „золотомъ самородкѣ", какъ очень мѣтко назвалъ его кн. А. И. Барятинскій, начинаютъ появляться въ печати. Кромѣ статьи генерала Ольшевскаго въ „Русской Старинѣ" 1880 года, въ февральской книгѣ, на которую я далъ, смѣю думать, весьма обстоятельный отвѣтъ въ первыхъ главахъ моей статьи,—находящійся въ отставкѣ полковникъ Зиссерманъ напечаталъ въ 5 и 6 тетрадяхъ 1884 года и въ 1 и 2 тетрадяхъ 1886 года сборника „Русскій Архивъ", а также въ составленной имъ исторіи Кабардинскаго пѣхотнаго полка—свои воспоминанія. Все это во многомъ,

какъ и статья генер. отъ инфантеріи Ольшевскаго, къ сожалѣнію, не отличается ни безпристрастіемъ, ни вѣрностію изложенія событій того времени и не даетъ, поэтому, цѣннаго матеріала для исторической правды относительно покойнаго кавказскаго героя [1]).

...Извѣстно на Кавказѣ всѣмъ, что на изъявленную генералу Филипсону, въ 1859 году, покорность абадзеховъ, присягнувшихъ будто бы на вѣчное подданство нашему государю и подписавшихся на присяжномъ листѣ, смотрѣли всѣ, а въ томъ числѣ и князь Барятинскій, съ полнымъ недовѣріемъ. Напротивъ, г. Зиссерманъ, въ примѣчаніи своемъ на посмертныя записки Филипсона, которыя поручала ему редакція „Русскаго Архива" разсмотрѣть какъ компетентному судьѣ кавказскихъ дѣлъ (какое заблужденіе!), выразилъ мнѣніе, въ ущербъ своему благодѣтелю графу Евдокимову, будто покореніемъ помянутаго народа были достигнуты важные результаты на западномъ Кавказѣ (какіе?), значительно облегчившіе его окончательное покореніе (въ чемъ?). Мнѣніе это вполнѣ ошибочное, потому что г. Зиссерманъ мало служилъ въ Кубанской области и еще менѣе зналъ характеръ здѣшнихъ горцевъ, а всѣ свои умозаключенія основывалъ преимущественно на изученіи громкихъ реляцій на бумагѣ. Если бы правдивый Филипсонъ довелъ свои интересныя записки, прерванныя, къ прискорбію, внезапною его смертію, до этого времени, онъ навѣрное сказалъ бы самъ другое, какъ было дѣло. Не смотря на то, что главныя лица получили за это покореніе крупныя награды, никто, однако, не придавалъ этой покорности и присягѣ никакого серіознаго значенія. На то были весьма важныя и основательныя причины.

Въ 1847 году абадзехи изъявляли подобную же покорность и точно также присягали командовавшему тогда войсками генералу Заводовскому. И тогда Заводовскій съ подчиненными получили награды. Но абадзехи, съ своими союзниками, вскорѣ отложились и стали попрежнему воевать съ нами. Еще гораздо ранѣе они входили не разъ въ подобное же соглашеніе съ генераломъ Зассомъ и тоже измѣняли. Да иначе и быть не могло.

---

[1]) Мы опускаемъ далѣе изъ статьи г. Кравцова нѣсколько страницъ, заключающихъ въ себѣ обзоръ служебной дѣятельности г. Зиссермана на Кавказѣ и характеристику его „Воспоминаній". За П. С. Кравцовымъ остается право напечатать пропущенныя нами страницы въ томъ случаѣ, если разгорится у него полемика съ г. Зиссерманомъ. Ред.

Абадзехи всегда выставляли съ своей стороны два главныхъ условія: 1) чтобъ мы не ставили въ ихъ земляхъ крѣпостей съ нашими гарнизонами, и 2) чтобъ мы не вводили среди нихъ нашего управленія. Этихъ условій, какъ само собою понятно, мы никогда и ни въ какомъ случаѣ принять не могли, хотя по наружности и принимали покорность абадзеховъ, какъ необходимый роздыхъ для своихъ утомленныхъ войскъ и хотя для временнаго спокойствія отъ набѣговъ горцевъ на наши передовыя линіи. Мы не могли имѣть союзниками такой многочисленный, воинственный и съ характеромъ крайне непостояннымъ народъ, владѣвшій при томъ на большомъ пространствѣ берегомъ Чернаго моря, ибо это значило бы держать постоянно весь Кавказъ во всегдашнемъ напряженномъ и опасномъ положеніи. Между тѣмъ, приведенныя выше два условія были заявлены и при послѣдней покорности генералу Филипсону, а слѣдовательно такая покорность теряла всякое практическое для насъ значеніе. Можетъ быть, что эти условія не были включены въ присяжный листъ или были отвергнуты генераломъ Филипсономъ; но даже и при включеніи ихъ въ этотъ документъ, покорность горцевъ не могла отъ того сдѣлаться ни болѣе твердою, ни отличаться большимъ, чѣмъ прежде, постоянствомъ, котораго они никогда не проявляли. Генералъ Есаковъ, бывшій тогда въ отрядѣ Филипсона, удостовѣряетъ въ слѣдующемъ:

— „Я присутствовалъ при этихъ переговорахъ. Командовавшій войсками генералъ Филипсонъ категорически объявилъ абадзехамъ, что крѣпости будутъ строиться гдѣ надобность укажетъ, но станицъ на ихъ землѣ селить не будутъ и, при этомъ, разъяснялъ имъ, что крѣпость, по миновании надобности, можетъ быть упразднена, а станица всегда пускаетъ корни на вѣки".

Изъ этого г. Есаковъ справедливо заключаетъ, что тогда еще не было говорено въ высшихъ сферахъ о заселеніи Залабинскаго края, или же оно скрывалось, чтобы имѣть кой-какой отдыхъ войскамъ, какъ говорю я.

Въ своемъ планѣ о покореніи западнаго Кавказа, приведенномъ мною въ первыхъ главахъ моей статьи, Филипсонъ называетъ прежнюю покорность абадзеховъ въ 1847 году при Заводовскомъ грубымъ обманомъ. Но и покорность, ему принесенная спустя 12 лѣтъ, оказалась не болѣе искреннею и твердою, а потому она и не привела ни къ чему полезному. Наконецъ, должно ска-

зать еще, что если бы абадзехи, съ своими союзниками, дѣйствительно покорились на вѣчныя времена, а не маскировали это, какъ вскорѣ обнаружилось, тогда зачѣмъ потребовалось предпринимать покореніе ихъ графомъ Евдокимовымъ?

Подобно М. Я. Ольшевскому, но гораздо рѣшительнѣе, г. Зиссерманъ усиливается доказать мнимую основательность своихъ личныхъ разсужденій, клонящихся къ значительному умаленію заслугъ графа Евдокимова тѣмъ, что будто бы онъ дѣйствовалъ при покореніи западнаго Кавказа по какимъ-то старымъ проэктамъ, другими лицами составленными еще въ 1857 году; что ни мысль о выселеніи черкесовъ и колонизаціи этого края казачьимъ населеніемъ, ни даже самая система дѣйствій, къ этой цѣли направленная, не принадлежала Евдокимову и что все это было выработано за пять лѣтъ до назначенія его въ Кубанскую область. И это свое мнѣніе г. Зиссерманъ основываетъ, главнымъ образомъ, на изученіи имъ какихъ-то бумажныхъ фактовъ, а не на живомъ дѣлѣ [1]). При этомъ онъ вовсе умалчиваетъ о приведенныхъ мною въ первыхъ главахъ статьи двухъ высочайшихъ грамотахъ, въ которыхъ самъ покойный государь, въ выраженіяхъ самыхъ милостивыхъ, призналъ вполнѣ важныя заслуги графа Евдокимова по покоренію всего сѣвернаго Кавказа.

Г. Зиссерманъ говоритъ, что проэктъ о переселеніи казаковъ былъ составленъ графомъ Евдокимовымъ будто въ 1860 году, когда его еще не было въ Кубанской области, и доложенъ лично князю Барятинскому въ Тифлисѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было.

Не угодно ли теперь посмотрѣть, какая путаница происходитъ въ доказательствахъ г. Зиссермана. Выше онъ сказалъ, что даже мысль о колонизаціи западнаго Кавказа не принадлежала графу; въ другомъ мѣстѣ утверждаетъ напротивъ, что проэктъ о переселеніи казаковъ былъ составленъ Евдокимовымъ и доложенъ лично въ Тифлисѣ въ 1860 году. Путаница эта произошла отъ того, что все это составляетъ не болѣе, какъ вымыселъ автора.

Я вовсе не отвергаю существованія проэкта 1857 года. Напротивъ, мнѣ не менѣе, чѣмъ г. Зиссерману, извѣстно, что въ то время писалось много подобныхъ проэктовъ не только такими лицами, на которыхъ г. Зиссерманъ указываетъ, или какъ ге-

---

[1]) „Исторія Кабардинскаго пѣхотнаго полка“, т. III, стр. 372 и 433 .

нералъ Филипсонъ, бывшій, при всемъ его высокомъ умѣ, большимъ охотникомъ до такихъ проэктовъ, но даже младшими лицами. Если бы, напримѣръ, генералу Филипсону дали волю, онъ, не долго думая, все гражданское населеніе на Кавказѣ превратилъ бы тогда же въ пѣшіе баталіоны. Это была его идея самая любимая, какъ это впрочемъ подтверждаетъ онъ и въ своихъ запискахъ, и, надо прибавить, сознаваемая даже въ то время другими, самая непрактичная идея. Не будь князь Воронцовъ, къ счастію, такъ устойчивъ въ своихъ взглядахъ на дѣло гражданственности вообще и на необходимость развитія ея на Кавказѣ въ особенности, мы навѣрное были бы свидѣтелями новаго превращенія гражданскаго населенія въ такое военное поселеніе, которое не далеко бы ушло отъ аракчеевскихъ. Вотъ каковы были вообще всѣ подобные проэкты.

Такою же практичностью отличалась и большая часть проэктовъ о покореніи Кавказа, какъ показало время и какъ примѣры тому я привелъ въ предыдущихъ главахъ моей статьи. Къ числу этихъ проэктовъ должно отнести и тотъ проэктъ 1857 года, на который такъ рѣшительно и вполнѣ неосновательно опирается г. Зиссерманъ. Проэктъ этотъ могъ ли отличаться вѣрностію, когда онъ былъ составленъ еще за два года до покоренія восточнаго Кавказа и плѣненія Шамиля, и при томъ составленъ лицами хотя и высокостоявшими у власти, но лично вовсе не знавшими западнаго Кавказа? Кто могъ предсказать, что покореніе восточнаго Кавказа совершится навѣрное? Развѣ Воронцовъ съ меньшею увѣренностію шелъ въ Дарго и что же изъ этого вышло? Но и съ практической стороны не большею вѣрностію отличался этотъ проэктъ, предлагавшій: „всѣ плоскости и самыя лучшія мѣста въ Закубанскомъ и Залабинскомъ краѣ" (шуточное дѣло!), упитанныя обильно русскою кровію и занятыя частію уже прочно нашими казачьими поселеніями—„отдать полумилліонному враждебному намъ горскому населенію, а всѣхъ казаковъ поселить по обоимъ безплоднымъ скатамъ кавказскаго хребта", гдѣ даже въ близкихъ предгоріяхъ не созрѣваетъ никакой хлѣбъ, и изъ коихъ южный склонъ къ Черному морю отличается вообще большою крутизною, покрытою непроницаемымъ лѣсомъ, переплетеннымъ дикимъ виноградомъ и другими вьющимися растеніями, а также имѣетъ много глубочайшихъ крутыхъ балокъ и водомоинъ, гдѣ даже донынѣ нѣтъ никакихъ дорогъ. Хорошую же участь

готовили бѣднымъ казакамъ за ихъ самоотверженную службу и всевозможныя лишенія. Вѣдь подобными планами, если бы стали приводить ихъ въ исполненіе, могли заварить въ Закубанскомъ краѣ такую кашу, которая оказалась бы гораздо круче отказа хоперскихъ и черноморскихъ казаковъ идти на переселеніе безъ воли царской, описаннаго въ третьей главѣ моего очерка по поводу составленнаго Филипсономъ такого же „практичнаго плана".

Нѣтъ, я полагаю, что объ этихъ планахъ лучше ужъ теперь молчать, чѣмъ хвалить ихъ, да еще не въ мѣру, какъ это дѣлаетъ г. Зиссерманъ.

Въ своемъ сочиненіи, указанномъ выше въ примѣчаніи, г. Зиссерманъ сказалъ, что „ни мысль о выселеніи черкесовъ и колонизаціи этого края, ни даже самая система дѣйствій, къ этой цѣли направленныхъ, не принадлежали графу Евдокимову, и что онѣ были выработаны за пять лѣтъ до назначенія графа въ Кубанскую область".

Все это чистѣйшій вымыселъ автора.

Мысль о заселеніи Кавказа русскимъ населеніемъ также стара, какъ и самое начало этой войны, восходящее къ царствованію Іоанна Грознаго, назадъ тому три вѣка. Первоначально поселены были въ двухъ давно исчезнувшихъ городкахъ на р. Терекѣ, называвшихся Терки, стрѣльцы и казаки городовые и вольные, потомки которыхъ составляетъ до нынѣ Кизляро-Гребенской полкъ. При Петрѣ Великомъ занята была на р. Сулакѣ крѣпость св. Креста и поселено въ нѣсколькихъ казачьихъ городкахъ 1,000 семействъ донскихъ казаковъ. При Аннѣ Іоанновнѣ крѣпость на Сулакѣ и прибрежныя къ Каспійскому морю покоренныя нами персидскія провинціи, по случаю чрезвычайно вреднаго климата и значительной смертности войска и народа, были отданы обратно Персіи, а гарнизонъ и все казачье населеніе сведены на лѣвый берегъ Терека, гдѣ и были водворены первый въ новопостроенной крѣпости Кизлярѣ, а послѣднее въ пяти станицахъ, изъ коихъ одна ниже Кизляра на устьѣ рѣки, а прочія вверхъ по ней. Въ царствованіе Екатерины Великой заселеніе Кавказа получило громадные размѣры. По ея повелѣнію, въ 1763 году, колонизація наша двинулась вверхъ по Тереку отъ Гребенскихъ городковъ (станицъ), переселившихся изъ горъ на лѣвую сторону этой рѣки еще въ 1711 году, до Моздока, и на этомъ пространствѣ водворено было шесть станицъ

изъ переселенныхъ съ Волги 517 семействъ казаковъ, да съ Дона 100 семействъ и обращенной въ казаки же Моздокской легіонной команды въ числѣ 335 нижнихъ чиновъ. Изъ этихъ поселеній образовался Моздокскій казачій полкъ. При этомъ самый Моздокъ былъ устроенъ и возведенъ на степень города съ крѣпостью. Въ 1775 году, по проекту князя Потемкина, утвержденному Екатериной II, занята линія Моздокская отъ г. Моздока, чрезъ нынѣшній г. Ставрополь, на пространствѣ 500 верстъ, до границы Донской у р. Средняго-Егорлыка, гдѣ были уже сторожевые посты войска Донскаго. На этой линіи поселены переведенные, опять таки съ Волги и Хопра, волжскіе и хоперскіе казаки, составившіе два казачьихъ полка. Въ 1785 году Екатерина II повелѣла: отъ г. Царицына до Кавказской линіи по степи, и отъ линіи Азовской до Черкаска стараго, стоявшаго на островѣ между рѣками Дономъ и Аксаемъ, построить почтовые дворы и приложить стараніе о заселеніи тѣхъ дорогъ, полагая одну станцію отъ другой отъ 15 до 30 верстъ, а для безопасности селеній обносить ихъ земляными укрѣпленіями. Вслѣдъ за тѣмъ, на протяженіи всей этой Азовской линіи, позади и параллельно съ нею зачиналась и росла быстро русская гражданская колонизація. Въ 1792 году поселены съ Дона кубанскіе казаки, отъ Усть-Лабы, вверхъ по Кубани, чрезъ Прочный-окопъ до Темнаго лѣса и далѣе до редута Воровсколѣснаго, въ числѣ 1,000 семействъ, и составили Кубанскій казачій полкъ. Въ томъ же году переселены съ береговъ Днѣпра и Буга запорожцы на Таманскій полуостровъ и образовали изъ себя уже цѣлое Черноморское казачье войско, отъ устья Лабы, внизъ по Кубани до впаденія ея въ море, въ числѣ 40 куреней или станицъ. Въ то же самое время, Суворовъ устроилъ все теченіе Кубани, до верховьевъ ея у Баталпашинска, цѣпью укрѣпленій и сильныхъ постовъ, подготовляя мѣста для будущей колонизаціи.

Итакъ, вотъ что сдѣлано было въ одно царствованіе Екатерины ея славными полководцами и государственными дѣятелями Потемкинымъ и Суворовымъ. Все это очень хорошо знали и двигали въ томъ же направленіи кавказскія дѣла преемники ихъ по управленію этимъ краемъ, изъ коихъ ближайшіе къ нашему времени были: Ермоловъ, Паскевичъ, Розенъ, Голо-

винъ, Нейдгартъ, Воронцовъ, Муравьевъ, Барятинскій и великій князь Михаилъ Николаевичъ.

Изъ нихъ въ смыслѣ дальнѣйшаго движенія русской колонизаціи дѣйствовали: Ермоловъ—переселившій съ Азовской линіи Хоперскій полкъ на Кубань и Куму, а Волгскій полкъ на Малку и Подкумокъ, Головинъ — положившій начало Лабинской линіи за Кубанью, Воронцовъ — заселившій военно-грузинскую дорогу и Сунженскую линію; въ началѣ управленія кн. Барятинскаго — занята Урупская линія и при немъ же была начата, а при великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ совершена графомъ Евдокимовымъ, въ три года, самая огромнѣйшая и послѣдняя колонизація, простиравшаяся до 90 станицъ и поселковъ и 16,000 семействъ переселенцевъ, преимущественно изъ казаковъ и частію гражданскаго населенія и женатыхъ нижнихъ чиновъ.

Итакъ, кому же приписать мысль о колонизаціи западнаго Кавказа?.

Очевидно, приписать ее исключительно кому-либо нельзя, потому что всѣ дѣйствовали подъ неотразимымъ вліяніемъ той исторической необходимости, которая вынудила Россію дѣйствовать наступательно для завоеванія и упроченія за собою всего Кавказскаго перешейка, между Чернымъ и Каспійскимъ морями, имѣющаго политическую и при томъ міровую важность для безопасности нашего обширнаго отечества. Оцѣнка этого великаго событія, по справедливому замѣчанію генерала Филипсона, въ его посмертныхъ Запискахъ, еще впереди!..

Я уже доказалъ выше и подробно, въ первыхъ главахъ моей статьи, что мысль объ изгнаніи черкесовъ въ Турцію принадлежала графу Евдокимову и никому болѣе, что онъ самъ выполнилъ ее въ точности и о чемъ тоже упоминается въ приведенной мною выше высочайшей грамотѣ.

Я не спорю, что можетъ быть кто-нибудь писалъ объ этомъ и ранѣе Евдокимова; охотниковъ до проектовъ во то время было много. Но графъ Евдокимовъ не только составилъ объ этомъ свое предположеніе, одобренное самимъ государемъ Александромъ II, но и привелъ его въ точное исполненіе.

А въ этомъ и заключалась вся суть дѣла.

Говорили, что князю Барятинскому и графу Евдокимову даны были огромныя средства для покоренія Кавказа.

Это правда.

Но спрашивается, что бы сдѣлалъ съ этими средствами Филипсонъ на западномъ Кавказѣ, судя по его плану, заключительныя слова котораго приведены мною выше? Онъ началъ бы при покореніи горцевъ проводить гуманныя мѣры, какъ самъ говоритъ, а именно: лаской и заботами объ ихъ благосостояніи, устраненіемъ рѣзкихъ нововведеній, дозволеніемъ свободныхъ поѣздокъ въ Турцію (удивительно! какъ это Филипсонъ, при его умѣ, не сознавалъ огромнаго вреда для Россіи отъ этихъ сношеній?) и надѣялся бы на время и привычку къ покорности... Все это, какъ всякій даже и не военный читатель пойметъ, сулило очень долгую пѣсню; все это сопровождалось бы краснорѣчивыми реляціями въ родѣ тѣхъ, какими при императорѣ Николаѣ Павловичѣ морочилъ Петербургъ Раевскій съ Черноморской береговой линіи, какъ это описано въ Запискахъ самого же Филипсона, а дѣла оставались бы въ прежнемъ положеніи. Нѣтъ, нуженъ былъ рѣшительный и энергическій полководецъ, и его нашелъ князь Барятинскій въ лицѣ графа Евдокимова, блистательно оправдавшаго надежды императора Александра II и всей Россіи.

Что касается того, будто даже самая система дѣйствій, къ этой цѣли направленныхъ, т. е. къ заселенію края, не принадлежала графу Евдокимову, а была выработана за пять лѣтъ до назначенія его въ Кубанскую область, — то мнѣ остается, послѣ всего вышеизложеннаго, въ опроверженіе этихъ вымысловъ, только указать на эту выработанную систему, изложенную въ 3-й главѣ моего очерка, а также на то, какіе она дала результаты, почему была оставлена и замѣнена графомъ Евдокимовымъ, съ высочайшаго одобренія, другою системою, правда не новою, а практиковавшеюся до него 20 лѣтъ, но значительно видоизмѣненною имъ къ лучшему облегченію колонизаціи, а потому и давшею самые быстрые и блистательные результаты, отъ которыхъ самъ покойный Государь былъ въ восторгѣ.

Не лишнимъ будетъ разъяснить, что выше указанная новая система дѣйствій, направленная къ быстрой колонизаціи западнаго Кавказа, вполнѣ извѣстна была г. Зиссерману, потому что въ его командованіе 1-ю бригадою Кубанскаго казачьяго войска онъ же самъ приводилъ ее въ исполненіе назначеніемъ и отправленіемъ казачьихъ семействъ на переселеніе, точно также

какъ и высочайшій рескриптъ, предварительно одобрившій эту систему, о коемъ я упоминалъ еще въ первыхъ главахъ моей статьи, былъ предъ глазами г. Зиссермана, потому что печатные экземпляры его были разосланы во всѣ полковыя и станичныя управленія для обнародованія всему населенію. Какъ же онъ рѣшается теперь говорить, что все это принадлежало другимъ лицамъ?

Съ необыкновенною развязностію низведя графа Евдокимова на степень простаго исполнителя какихъ-то чужихъ плановъ и обозвавъ его, безъ дальней церемоніи, человѣкомъ будто бы безъ всякаго образованія, происходящимъ изъ солдатскихъ дѣтей и даже хамомъ (слова г. Зиссермана!), авторъ вдругъ переходитъ въ сильный хвалебный, очевидно напускной, тонъ, выразивъ его такъ: „онъ былъ только геніальный, энергически непреклонный исполнитель и организаторъ подробностей выполненія чужаго плана“. Все это чистѣйшая фантазія, чтобы не сказать болѣе...

Странно, что г. Зиссерманъ геніальнымъ человѣкомъ называетъ того, кто по его же собственному опредѣленію былъ не болѣе, какъ простой исполнитель чужихъ плановъ. Геніальные люди всѣ, сколько ихъ не было на свѣтѣ, дѣйствовали самостоятельно, по личной инициативѣ. Евдокимовъ не былъ геній, но своею быстрою системою горной войны, давшей поразительно-блистательные результаты, привелъ въ восторгъ всю Россію; это былъ дѣйствительно великій русскій полководецъ своего времени, слава царствованія Александра II, „золотой самородокъ“, какъ мѣтко назвалъ его князь Барятинскій.

Упомянутая система горной войны заключалась, какъ всѣмъ старымъ кавказцамъ извѣстно, въ проложеніи чрезъ дремучіе лѣса, покрывавшіе предгоріе главнаго хребта и подступы къ нимъ, просѣкъ широкихъ, разработкѣ дорогъ, освѣщеніи горныхъ трущобъ и затѣмъ колонизаціи занятыхъ нами мѣстъ. Эту систему не Евдокимовъ выдумалъ; она являлась въ нашихъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ временно еще тогда, когда онъ былъ штабъ-офицеромъ. Но онъ ее усвоилъ и развилъ вполнѣ, призналъ единственнымъ средствомъ къ покоренію Кавказа, до того, что не разъ говаривалъ, что для покоренія края нужны топоры и лопаты, потому что горцы никогда не могли стоять твердо противъ нашихъ войскъ въ открытомъ бою, за то въ своихъ горныхъ трущобахъ, закрытыхъ лѣсами, они были опаснымъ для насъ непріятелемъ и неоднократно наносили нашимъ войскамъ

страшныя пораженія. Эта система, правда, была чрезвычайно обременительна для физическихъ силъ войскъ своими огромными работами и приводила ихъ въ большое изнуреніе, но другаго средства не было, чтобъ войска могли свободно и безопасно проникать до жилищъ горцевъ и вытѣснять ихъ изъ оныхъ, или заставлять покориться безусловно.

Вполнѣ справедливо также и то, что покореніе графомъ Евдокимовымъ восточнаго Кавказа по плану князя Барятинскаго, составленному при участіи Евдокимова, а западнаго Кавказа по собственному своему плану—имѣло для Россіи великое міровое значеніе, что и не замедлило выразиться покореніемъ вскорѣ средней Азіи и дальнѣйшимъ туда движеніемъ, возбудившимъ зависть въ западной Европѣ и всполошившимъ Англію...

Вотъ почему очень умный генералъ Филипсонъ и сказалъ пророчески, что оцѣнка этого великаго событія — еще впереди! Онъ же самъ сознался, что если-бъ ему поручено было покореніе западнаго Кавказа, онъ никогда не выполнилъ бы этого такъ быстро и съ такими рѣшительными результатами, какъ достигъ того графъ Евдокимовъ. Все это доказываетъ, что Евдокимовъ обладалъ дѣйствительно свѣтлымъ, проницательнымъ природнымъ умомъ въ военномъ дѣлѣ, а практическою школой ему послужила продолжительная боевая служба его въ той же Кавказской войнѣ, причемъ онъ вполнѣ имѣлъ возможность изучить какъ сильныя, такъ и слабыя стороны всѣхъ горскихъ народовъ, боровшихся съ Россіею, а когда настало его время, порѣшилъ эту вѣковую войну безповоротно въ пять лѣтъ, тогда какъ до него, со времени Екатерины Великой, борьба тянулась сотню лѣтъ...

Перейду къ разсмотрѣнію сдѣланной г. Эссерманомъ характеристики графа Евдокимова съ нравственной стороны.

IX.

На стр. 49 пятой тетради „Русскаго Архива" 1884 г., приведя разсказъ М. И. Венюкова о постройкѣ какого-то моста не на мѣстѣ, яко-бы съ цѣлію предоставить выгоды инженерамъ, г. Эссерманъ говоритъ: „все это остроты: ремонтъ такого моста слишкомъ ничтожная работа, чтобъ соблазнить инженеровъ, имѣвшихъ другіе случаи пожирнѣе для наживы, а самъ графъ Евдо-

кимовъ, при желаніи, могъ положить себѣ въ карманъ достаточно казенныхъ денегъ и безъ такихъ не хитрыхъ измышленій. Онъ это дѣйствительно и дѣлалъ — (это говоритъ г. Зиссерманъ), не составляя почти исключенія изъ всей плеяды превосходительныхъ отцовъ-командировъ; но только о немъ кричали больше, чѣмъ о другихъ; еще болѣе не прощали его дѣйствительно замѣчательныхъ способностей и несомнѣнно важныхъ заслугъ, сторицею окупавшихъ тѣ десятки или сотни тысячъ казенныхъ денегъ, которыя онъ себѣ присвоилъ".

На стр. 429, кн. 6, 1884 г. „Русскаго Архива" г. Зиссерманъ продолжаетъ: „Если Евдокимовъ, предположимъ, пользовался за всю свою службу милліономъ рублей (а въ выноскѣ сказано: „въ дѣйствительности я не думаю, чтобы онъ хватилъ и половину милліона"), то, благодаря ему, окончаніе Кавказской войны даже однимъ годомъ ранѣе уже принесло намъ десять милліоновъ сбереженія".

Нѣтъ, г. Зиссерманъ, не однимъ годомъ ранѣе кончилъ Евдокимовъ войну, которой и конца никто предвидѣть не могъ, а кладите на это прямо добрый десятокъ лѣтъ, а то, пожалуй, и болѣе, судя по приведенному мною выше плану Филипсона, считавшагося тогда на Кавказѣ лучшимъ генераломъ въ военномъ смыслѣ, да и это еще подлежало большому сомнѣнію. А если все это такъ, если Евдокимовъ избавилъ Россію отъ продолженія нескончаемой войны, отъ новыхъ потерь войсками и отъ расходовъ милліоновъ на двѣсти, то изъ-за чего же вы, г. Зиссерманъ, распинаетесь? Изъ-за чистоты нравственной? Но объ этомъ разсуждать вамъ уже вовсе не подобаетъ....

Чѣмъ же г. Зиссерманъ подтверждаетъ вышеизложенныя, столь тяжкія, обвиненія противъ графа Евдокимова?

Да рѣшительно ни чѣмъ.

Въ своихъ сказаніяхъ г. Зиссерманъ приводитъ фактъ, вполнѣ идущій въ разрѣзъ съ его же обвиненіями, а именно, что въ бытность въ Пятигорскѣ на водахъ узналъ, что графъ испытываетъ денежныя затрудненія. Какъ же согласить все это, т. е. обвиненіе въ накопленіи большихъ капиталовъ и почти вслѣдъ за тѣмъ денежныя затрудненія? Итакъ, все это отзывается голословнымъ вымысломъ.

Въ одномъ изъ своихъ разсужденій относительно службы графа еще въ молодые годы въ Дагестанѣ, а потомъ во время

командованія правымъ флангомъ Кавказской линіи, г. Зиссерманъ вторитъ г. Ольшевскому, выражаясь такъ, что „Евдокимовъ еще въ молодые годы началъ запускать руки въ казенный карманъ“. Любопытно знать: откуда это извѣстно автору, не бывшему тогда не только на Кавказѣ, но и на службѣ? А относительно праваго фланга, гдѣ опять-таки г. Зиссерманъ вовсе тогда не былъ, говоритъ, что запусканіе рукъ относилось вѣроятно (т. е. какъ же это вѣроятно?) все къ той же милиціи, какъ и на лѣвомъ флангѣ, къ постройкѣ мостовъ, къ заготовленію сѣна для зимнихъ экспедицій и проч. Противъ этого я могу сказать утвердительно, что все это неправда. Въ первыхъ главахъ моей статьи я далъ уже на это обстоятельный отвѣтъ г. Ольшевскому, а потому и не считаю нужнымъ повторять его г. Зиссерману, такъ какъ онъ сочиняетъ подобные разсказы съ чужаго голоса.

Что касается того, что графъ Евдокимовъ будто бы на правомъ флангѣ не пользовался сочувствіемъ и расположеніемъ подчиненныхъ, то и этого г. Зиссерманъ, какъ не бывшій тогда вовсе на этомъ флангѣ, знать не могъ и говоритъ опять-таки неправду. Далѣе продолжаетъ:

„о немъ сочинялись анекдоты, принимавшіеся многими на вѣру и затѣмъ передавались уже какъ факты; вездѣ эти разсказы вызывали и смѣхъ, и злорадство, и презрѣніе, смотря по слушателямъ; а защитниковъ не являлось ни откуда. Чему же приписать такія злорадовраждебныя, презрительныя отношенія къ Евдокимову? Во первыхъ, низкое происхожденіе (выскочка), что почти никогда не прощается людямъ, особенно если они своими талантами выдѣляются изъ толпы“. Далѣе: „поэтому и Евдокимову—кантонисту, хаму, не прощались ни его титулъ, ни его извѣстность“.

Все это, снова повторю я, составляетъ собственное сочиненіе г. Зиссермана, т. е. полнѣйшую неправду.

Не сочувствовали Евдокимову, правда, только такіе господа, какъ панъ Іедлинскій, именно въ то время служившій на Лабинской линіи, гдѣ онъ командовалъ казачьимъ полкомъ, безмѣрно кутилъ, упражнялся въ извѣстномъ всѣмъ его безстыдномъ и пошломъ краснорѣчіи, особенно на счетъ Заводовскаго и Евдокимова, и, надѣясь на покровительство князя Воронцова, развилъ свои выходки до того, что предпринялъ съ отрядомъ движеніе за Лабу, съ орудійною пальбою, будто бы противъ того самаго сборища горцевъ, скрывавшагося, по его словамъ, въ ближайшемъ лѣсу, но котораго, однако, изъ отряда никто не ви-

далъ и которое намѣревалось сдѣлать нападеніе на проѣзжавшаго предъ этимъ по Кубани наслѣдника цесаревича (покойнаго императора Александра II). Все это Іедлинскій сдѣлалъ злонамѣренно для того, чтобы обнаружить, будто командовавшій войсками генералъ Заводовскій и начальникъ праваго фланга генералъ Евдокимовъ обманули цесаревича, доложивъ ему, что сборище горцевъ намѣрено сдѣлать на него нападеніе при проѣздѣ по Лабинской линіи, куда яко бы они не хотѣли пускать наслѣдника по своимъ корыстнымъ видамъ, — вслѣдствіе чего поѣздка по Лабѣ была отмѣнена, а направлена по Кубани. Но Іедлинскій не зналъ одного, что это извѣстіе не было выдумано Заводовскимъ или Евдокимовымъ, а сообщено съ Черноморской кордонной линіи генераломъ Рашпилемъ и что сборище горцевъ было, дѣйствительно, въ готовности сдѣлать нападеніе, но, узнавъ, о поѣздкѣ его высочества по Кубани — разошлось по домамъ, какъ это подтвердилось слѣдствіемъ, произведеннымъ присланнымъ изъ Петербурга жандармскимъ полковникомъ. За эту дерзкую выходку Іедлинскаго князь Воронцовъ, сопровождавшій также наслѣдника вмѣстѣ съ Заводовскимъ и Евдокимовымъ, приказомъ по арміи предписалъ арестовать Іедлинскаго и выдержать на гауптвахтѣ въ крѣп. Усть-Лабинской одинъ мѣсяцъ.

Позже, когда графъ Евдокимовъ былъ въ Кубанской области, ему не сочувствовали, кромѣ Іедлинскаго, подобные же ему, очень, впрочемъ, немногіе, изъ аристократовъ, людей легкомысленныхъ. Другія же лица, также изъ молодыхъ аристократовъ, люди благоразумные, напротивъ, считали за особую честь состоять на службѣ лично при графѣ и отъ этого только выиграли и по службѣ, и въ общемъ мнѣніи, таковы были: флигель-адъютантъ гвардіи поручикъ князь Суворовъ, генеральнаго штаба капитанъ графъ Кутайсовъ и личнымъ его адъютантомъ гвардіи капитанъ Бутурлинъ, изъ коихъ два послѣдніе состоятъ нынѣ въ чинахъ генераловъ свиты его величества.

Возвращаясь опять ко времени пребыванія Евдокимова, на правомъ флангѣ, я долженъ сказать, что, будучи мѣстнымъ уроженцемъ праваго фланга изъ старыхъ хоперскихъ казаковъ и начавъ службу очень молодымъ, я въ 1840 году былъ офицеромъ и полковымъ адъютантомъ, а въ 1844 же году уже старшимъ адъютантомъ Кавказскаго линейнаго войска; именно съ этого

года я узналъ лично Евдокимова, когда онъ былъ назначенъ командиромъ Волжскаго казачьяго полка, вскорѣ преобразованнаго въ бригаду, а потому самымъ положительнымъ образомъ утверждаю, что Евдокимовъ былъ на счету у начальства какъ одинъ изъ лучшихъ бригадныхъ командировъ, память о которомъ до нынѣ сохраняютъ старые волжскіе казаки; что затѣмъ на правомъ флангѣ, а позже въ Кубанской области — Евдокимовъ пользовался самымъ глубокимъ уваженіемъ и искреннимъ расположеніемъ со стороны всѣхъ подчиненныхъ. Всѣ знаютъ, что онъ въ обращеніи былъ человѣкомъ спокойнымъ, серьезнымъ, но не холоднымъ, а обходительнымъ и вѣжливымъ; во всякое дѣло входилъ съ полнымъ вниманіемъ и отдавалъ приказанія точныя и опредѣлительныя. Внѣ службы, въ домашнемъ быту, или въ общественныхъ собраніяхъ, онъ былъ очень любезнымъ, гостепріимнымъ, ласковымъ и разговорчивымъ. Расположеніе и сочувствіе къ нему всѣхъ безъ различія слоевъ военныхъ и общественныхъ выразилось особенно рельефно и неподдѣльно въ данномъ ему прощальномъ обѣдѣ по окончаніи войны, описанномъ въ первыхъ главахъ моей статьи, на которомъ самъ же Зиссерманъ говорилъ первую прощальную рѣчь.

Всѣ многорѣчивые разсказы г. Зиссермана въ этомъ отношеніи о графѣ Евдокимовѣ—суть не болѣе, какъ вымыслы собственнаго его сочиненія, отличающіеся изумительнымъ злоязычіемъ.

А еще твердитъ г. Зиссерманъ, что онъ держится правила „ничего не выдумывать, не говорить положительно о томъ, чего не знаетъ“. Далѣе добавляетъ, что: „будетъ весьма благодаренъ, если кто изъ старыхъ кавказцевъ укажетъ на очевидныя измышленія“. Не знаю, будетъ ли г. Зиссерманъ доволенъ моими разъясненіями и опроверженіями? Но могу его увѣрить въ одномъ, что они вызваны его непомѣрными самовосхваленіями и злобными выходками противъ графа Евдокимова, что и вынудило меня на старости лѣтъ взяться за перо и дать автору хотя нѣкоторый отпоръ, чтобъ онъ былъ въ своихъ писаніяхъ болѣе осмотрительнымъ и правдивымъ, а не разсказывалъ „Азовскія басни донскому казаку“.

На стр. 431, тетради 6, 1884 г. „Русскаго Архива“, г. Зиссерманъ, говоря о пользованіи командирами частей яко-бы незаконными доходами, пояснилъ, что пользованіе выгодами отъ коман-

дованія полковъ не упускалъ никто: ни генеральный штабъ, ни аристократы, бѣдные и богатые, ни скороспѣлые карьеристы. По словамъ г. Зиссермана, до такой степени будто бы узаконилось и освятилось обычаемъ, что командованіе военною частью считалось „наградою, даваемою именно съ цѣлію доставить случай матеріальнаго обезпеченія за прежнюю полезную службу".

Я позволяю себѣ питать надежду, что А. Л. Зиссерманъ не откажется отъ того, что онъ не одинъ разъ лично мнѣ разъяснялъ эту теорію, именно въ примѣненіи къ себѣ, утверждая, что графъ Евдокимовъ далъ ему 1-ю бригаду въ награду за прежнюю его полезную службу, „для доставленія матеріальнаго обезпеченія". Не мало я дивился тогда такой развязности г. Зиссермана...

Извѣстно, что командованіе регулярными частями, гдѣ вся матеріальная часть лежала на непосредственной личной отвѣтственности командировъ, было одно дѣло, за которое они сами вполнѣ и отвѣчали. На дѣлаемые имъ казенные отпуски деньгами и вещами, точно по нормальнымъ штатамъ опредѣленными, они не только обязаны были содержать свои части въ полной исправности, но и имѣть въ запасѣ экономіи отъ 10 до 15 и даже болѣе тысячъ рублей, для сдачи этой части новому командиру, на случай браковки какихъ-либо вещей, оружія, обоза и подъемныхъ лошадей. Если, за всѣмъ этимъ, были еще какія-либо сбереженія отъ означенныхъ казенныхъ отпусковъ, то казна въ то время даже не имѣла права требовать показанія этихъ сбереженій къ зачету и они дѣлались достояніемъ командира части, который, надо замѣтить, въ то время получалъ самъ содержаніе гораздо менѣе, чѣмъ въ половину противъ нынѣшнихъ окладовъ, а расходы несъ на представительство такіе же, какъ и нынѣшніе командиры, и даже гораздо болѣе по военному времени, о чемъ и самъ г. Зиссерманъ не разъ упоминаетъ.

Таковъ былъ общій тогда порядокъ, извѣстный самому государю, и армія отъ него вообще нисколько не страдала, напротивъ, единство власти въ частяхъ было поставлено, какъ и слѣдуетъ, гораздо тверже. Это признаютъ всѣ военные авторитеты того времени, а въ томъ числѣ и генералъ Филипсонъ въ своихъ посмертныхъ Запискахъ. А командиры частей избирались всегда изъ лицъ, выдающихся отличными способностями и заслугами.

Хороша была бы армія, если бы въ ней на такія важныя мѣста назначались лица исключительно съ цѣлію матеріальнаго обезпеченія, какъ совершенно несправедливо говоритъ авторъ. Достаточно привести нѣсколько именъ самыхъ боевыхъ генераловъ, бывшихъ полковыми или батарейными командирами, чтобъ изобличить г. Зиссермана въ явной невѣрности вымышленной имъ теоріи. Кто изъ кавказцевъ не знаетъ генераловъ: Полтинина, Круковскаго, Слѣпцова, Лабынцова, Кемферта, Баженова, Тихоцкаго, Петрова, Джомордидзе, Геймана, Левашова, Тергукасова, Грамотина, Авикова, Есакова, Кульстрема, Цытовича, Губскаго, Оглобжіо, князя Захарія Чавчавадзе, князя Амилохварова, трехъ братьевъ Комаровыхъ, двухъ братьевъ Гурчиныхъ и весьма многихъ другихъ, изъ которыхъ я могъ бы составить огромный списокъ. Всѣ они составляли, а находящіеся и по нынѣ въ живыхъ составляютъ цвѣтъ и гордость русской арміи.

Не мало изъ такихъ командировъ достигло очень высокаго положенія, таковы были и есть: князь Аргутинскій, князь Барятинскій, князь Дондуковъ-Корсаковъ, князь Орбеліани, два князя Святополки-Мирскіе, Радецкій, Козловскій и, наконецъ, графъ Евдокимовъ. Что же всѣ эти лица, по огульному мнѣнію г. Зиссермана, выше мною приведенному, были назначены въ полковые командиры не потому, что всѣ они были выдающихся отличныхъ дарованій, обладали примѣрнымъ мужествомъ, храбростію, честію и всѣми нужными воинскими качествами и добродѣтелями, чтобъ быть образцовыми командирами, а собственно и исключительно для доставленія имъ матеріальнаго обезпеченія? У кого изъ военныхъ людей повернется языкъ, чтобъ сказать такую нелѣпость? [1].......

Что касается разсказа, будто бы Д. А. Милютинъ, вскорѣ по назначеніи начальникомъ штаба, настаивалъ у князя Барятинскаго на удаленіи генерала Евдокимова, за дѣлаемыя имъ будто бы злоупотребленія, то я рѣшительно утверждаю, что это чистѣйшій вымыселъ. Не такой человѣкъ былъ князь Барятинскій, чтобъ ему дѣлалъ такія указанія его начальникъ штаба, особенно противъ лица, избраннаго имъ для покоренія восточ-

---

[1]) Мы опускаемъ далѣе подробности о дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ командировъ казачьихъ полковъ и бригадъ. Ред.

наго Кавказа. Да и самъ Д. А. Милютинъ, по его высокому уму, благородству и деликатности, вовсе не былъ способенъ къ столь очевидно неумѣстнымъ домогательствамъ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ по пріѣздѣ онъ и не имѣлъ возможности, въ короткое время, ознакомиться съ положеніемъ обширнаго Кавказскаго края, а еще менѣе узнать даже нравственныя качества главныхъ дѣйствующихъ лицъ, въ числѣ коихъ былъ генералъ Евдокимовъ.

На дальнѣйшія злоязычныя выходки г. Зиссермана относительно частной жизни графа Евдокимова нѣтъ даже надобности отвѣчать,— до того онѣ очевидно нелѣпы.

X.

Считаемъ, однако, необходимымъ, съ своей стороны, сказать нѣсколько словъ о дѣятельности покойнаго графа Евдокимова, во время жительства его на пожалованномъ ему участкѣ земли близь Желѣзноводска, въ количествѣ 9,070 десятинъ, на которомъ онъ устроилъ хуторъ „Новый Ведень“, въ память взятія имъ штурмомъ резиденціи Шамиля— Стараго Веденя. Это имѣніе онъ завѣщалъ вдовѣ генералъ-маіора графинѣ Аннѣ Ивановнѣ Доливо-Добровольской-Евдокимовой, родной племянницѣ графини, съ ея дѣтьми. Особа эта была воспитана въ семействѣ графа вмѣсто дочери и вышла замужъ за упомянутое лицо, къ которому, по просьбѣ графа, съ высочайшаго разрѣшенія, перешелъ и графскій титулъ съ потомствомъ.

Достигнувъ полной свободы, которой онъ, повидимому, такъ настойчиво домогался, графъ Евдокимовъ очутился безъ всякаго дѣла и скучалъ своею бездѣятельностію. Жилъ онъ скромно и, можно сказать, уединенно, за исключеніемъ рѣдкихъ посѣщеній мѣстныхъ и пріѣзжихъ знакомыхъ. Нужно было, слѣдовательно, создать себѣ хоть какое-нибудь подобіе той кипучей дѣятельности, въ которой онъ провелъ всю свою долговременную службу. И вотъ онъ началъ устраивать свое имѣніе. Такъ какъ я жилъ въ станицѣ Баталпашинской на Кубани (нынѣ уѣздный городъ), въ 90 верстахъ отъ Пятигорска, мѣста жительства графа, то мнѣ нерѣдко приходилось съ нимъ видѣться. Долженъ объяснить, что я не считалъ себя въ числѣ приближенныхъ лицъ къ графу и не принадлежалъ къ тѣмъ, которые составляли всегдашнюю его обстановку. Я былъ изъ новыхъ его подчиненныхъ, будучи пере-

данъ графу послѣ раздѣленія, какъ выше сказано, въ концѣ 1860 года, Кавказскаго линейнаго казачьяго войска, бывшимъ наказнымъ атаманомъ войска генералъ-лейтенантомъ Рудзевичемъ, при которомъ я состоялъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ войсковаго дежурства. Не смотря на это, графъ относился ко мнѣ всегда съ довѣріемъ, что можно видѣть изъ тѣхъ порученій, какія онъ дѣлалъ мнѣ по службѣ, какъ о томъ не разъ я упоминалъ въ предыдущихъ главахъ моего очерка.

Въ началѣ своей новой хозяйственной дѣятельности, графъ совѣтовался со мною на счетъ постройки въ его имѣніи водяной мельницы на р. Кумѣ, протекающей чрезъ его земли. Я далъ мнѣніе, чтобъ мельницу построить простую, обыкновенной конструкціи, снастей на 6, стоимостью не болѣе 4 тыс. руб., чтобъ не дѣлать безполезныхъ затратъ, на томъ основаніи, что въ то время никакихъ сколько-нибудь значительныхъ поселеній вблизи его земли не было, а слѣдовательно могли молоть хлѣбъ и обрушивать просо только татары ближайшаго аула Канглы, въ ограниченномъ количествѣ, не на продажу, а исключительно для своего потребленія. Графъ вполнѣ одобрилъ мое мнѣніе. Но приступивъ къ постройкѣ мельницы, онъ выписалъ ученаго инженеръ-технолога, который постепенно склонилъ графа къ своему плану, при исполненіи котораго оказалось нужнымъ сдѣлать запруду рѣки изъ каменной плотины, со шлюзами, саженей въ 20, а потомъ, для большей прочности этой плотины, употребить чугуна до 10 тыс. пудовъ. Дѣло приняло исподволь широкіе размѣры, которымъ и характеръ графа, чисто-русскій, вполнѣ соотвѣтствовалъ. И чрезъ два года явилась мельница каменная, двухъ-этажная, уже крупчатка, а не простая, съ разными новѣйшими приспособленіями, обошедшаяся до 80 тыс. руб., а молоть на ней было нечего. На такую мельницу требовался оборотный капиталъ до 15 тыс. руб., а графъ очень стѣснялся его дать, и мельница начала работать очень мало покупнаго хлѣба, а теперь, кажется, вовсе стоитъ безъ дѣла. Затѣмъ, онъ предпринялъ обводнить свою землю и сдѣлалъ на разныхъ балкахъ до 10 огромныхъ земляныхъ плотинъ для задержки дождевой и снѣговой воды. Вмѣсто того, чтобъ поставить хуторъ на берегу р. Кумы, какъ ему совѣтовали, графъ поставилъ его ближе къ Желѣзноводску, на небольшомъ ручьѣ остывшей желѣзной воды, оттоль вытекающемъ, и сдѣлалъ на немъ два большихъ пруда. Вблизи нижняго пруда поставилъ каменный домъ съ нижнимъ въ землѣ помѣщеніемъ для прислуги и рабочихъ. Но чрезъ два

года вода изъ пруда проникла въ нижній этажъ и затопила его. Одновременно съ этимъ онъ сталъ разводить фруктовый и виноградный сады на пространствѣ 70 десятинъ, выписывалъ для этого фруктовыя деревья и виноградныя лозы изъ Крыма, Кахетіи и Кизляра. Наконецъ, устроилъ еще винокуренный заводъ, обошедшійся до 70 тыс. руб., и былъ радъ, когда началось куреніе вина. Нужно замѣтить, что графъ, послѣ полученія имъ тяжелыхъ ранъ въ Дагестанѣ, когда онъ былъ еще маіоромъ, совершенно прекратилъ употреблять не только водку или вино, но даже и пиво, и пилъ обыкновенно чай, а за столомъ воду и въ концѣ стола стаканъ чаю. Чрезъ годъ послѣ устройства завода, онъ началъ въ немъ разочаровываться. Вмѣсто ожидаемыхъ выгодъ, являлись въ счетахъ дефициты, потому что искусные люди по этой части начали обкрадывать его заводъ самымъ возмутительнымъ образомъ. То оказывалась утечка спирту, то усышка; надо думать, что было даже и прямое воровство, и такъ далѣе, а графъ понималъ это дѣло столько же, какъ китайскую грамоту. Сверхъ всего этого, онъ былъ большой любитель лошадей, хорошій наѣздникъ и стрѣлокъ, а потому завелъ конный табунъ до 1,000 лошадей отличныхъ породъ, для чего къ маткамъ мѣстнымъ кабардинскимъ выписывалъ производителей жеребцовъ изъ Персіи и изъ внутреннихъ губерній. Имѣлъ стадо племеннаго рогатаго скота подольской породы головъ до 500 и, наконецъ, простыхъ волошскихъ овецъ до 12,000 головъ, которыхъ, впрочемъ, еще при жизни своей, продалъ, по моему совѣту, потому что другіе хозяева имѣли отъ этого доходъ—и отъ продажи шерсти, и отъ приплода, а у графа дѣло это шло на убытокъ отъ дурнаго присмотра. Это, такъ сказать, только сжатый очеркъ хозяйственной дѣятельности графа, не вдаваясь въ бо̀льшія подробности.

Оба автора, о коихъ идетъ рѣчь въ моей статьѣ, писавшіе о графѣ Евдокимовѣ, усиливаются навести читателя на ту мысль, что будто графъ не упускалъ случая эксплоатировать подчиненныхъ ему частныхъ начальниковъ въ свою личную пользу. Въ опроверженіе этого ложнаго вымысла заявляю, что по просьбѣ графа, когда онъ былъ еще во власти, я построилъ ему на Кубани изъ купленнаго имъ самимъ сосноваго лѣсу шесть избъ для его новаго имѣнія близъ Желѣзноводска, перевезъ ихъ туда и покрылъ желѣзомъ. За все это графъ заплатилъ мнѣ, по представленному мною счету, 2,269 руб. 70 коп., выславъ ихъ при самомъ любезномъ письмѣ 26-го сентября 1863 года изъ

Ставрополя. Письмо это, къ счастію, у меня сохранилось и препровождается въ редакцію „Русской Старины", съ просьбою напечатать его въ примѣчаніи, какъ документъ, опровергающій неблаговидные про графа вымыслы [1]).

Въ моихъ поѣздкахъ къ графу на хуторъ, я постепенно пришелъ къ тому убѣжденію, что все это въ обширныхъ размѣрахъ затѣянное хозяйство создано графомъ для того, чтобъ наполнить пустоту, образовавшуюся отъ оставленія имъ кипучей и многообразной дѣятельности служебной, и чтобъ развлечь себя хоть чѣмъ-нибудь отъ снѣдавшей его скуки и праздности, къ которой онъ не могъ привыкнуть. Но я этого графу никогда не высказывалъ, напротивъ, нерѣдко поддакивалъ его предположеніямъ, чтобъ не огорчать. Разъ, однако, года за два до его кончины, въ бытность на хуторѣ, послѣ завтрака въ 11 часовъ утра, мы вдвоемъ пошли гулять по аллеямъ сада. Графъ началъ мало-по-малу разговоръ о своемъ хозяйствѣ и сталъ роптать на многіе безпорядки, неурядицу и большіе расходы. Я слушалъ со вниманіемъ. Когда же онъ пересталъ говорить, я рѣшился сдѣлать ему вопросъ:

— „Позвольте, ваше сіятельство, спросить васъ: для чего вы это свое хозяйство такъ широко распространяете и тѣмъ навлекаете себѣ такъ много хлопотъ и огорченій?"

При моемъ вопросѣ графъ быстро повернулся ко мнѣ, остановился и сказалъ:

— А что жъ мнѣ прикажете, почтеннѣйшій, дѣлать?

Итакъ, составленное мною раньше мнѣніе подтвердилось собственнымъ сознаніемъ графа, что все это свое хозяйство онъ завелъ и распространилъ отъ нечего дѣлать.

Само собою понятно, что на такія широкія затѣи требовался и крупный капиталъ, котораго у гр. Н. И. Евдокимова, по всѣмъ видимымъ обстоятельствамъ, не было. Года чрезъ два не болѣе по водвореніи графа на хуторѣ, въ бытность мою въ Пятигорскѣ,

---

[1]) „Примите мою искреннюю признательность, любезнѣйшій Иванъ Семеновичъ, за всѣ ваши услуги, оказанныя мнѣ въ дѣлахъ устройства моего хозяйства. Деньги по представленному вами счету, всего двѣ тысячи двѣсти шестьдесятъ девять рублей семьдесятъ копѣекъ, при семъ препровождаются чрезъ маіора Аслинцова. Прошу увѣдомить меня о полученіи и принять увѣреніе въ искреннемъ моемъ къ вамъ уваженіи и совершенной преданности. Покорнѣйшій слуга гр. Н. Евдокимовъ".

26-го сентября 1863 г.
Ставрополь.

гдѣ я останавливался на квартирѣ у одного родственника, человѣка почтеннаго, котораго зналъ лично и графъ, онъ разсказалъ мнѣ не безъ удивленія, что графъ нуждается въ деньгахъ и началъ занимать ихъ у разныхъ купцовъ и разночинцевъ за 12% годовыхъ и при томъ занимать по тысячѣ и даже по 500 руб. Я тоже былъ удивленъ этимъ разсказомъ, такъ какъ думалъ, что графъ все-таки за службу свою сдѣлалъ какія-либо сбереженія.

Затѣмъ, отъ частныхъ лицъ, графъ перешелъ къ займамъ въ Пятигорскомъ городскомъ банкѣ. Объ этихъ займахъ всѣ живущіе въ Пятигорскѣ знали и говорили гласно. Да и самъ г. Зиссерманъ, вопреки своимъ обвиненіямъ, говоритъ, что, будучи на водахъ, узналъ, что графъ впалъ въ денежныя затрудненія.

Послѣ смерти графа оказалось частныхъ долговъ семнадцать тыс. руб., да въ банкѣ Пятигорскомъ 60 тыс. руб. и Ставропольскомъ 73 тыс. руб., всего 150 тыс. руб.

Къ этому надо прибавить, что, получая въ годъ содержанія 18 тыс. руб., онъ могъ половину его тратить на свое имѣніе, такъ какъ другой половины могло быть вполнѣ достаточно на содержаніе дома, по скромному образу жизни его съ семействомъ.

Наконецъ, другой участокъ земли въ 7,000 десятинъ, пожалованный графу за Кубанью, недалеко отъ г. Анапы, на берегу Чернаго моря, на которомъ открыты были довольно обильные источники нефти, онъ сдалъ было, года за два до своей кончины, въ аренду на 30 лѣтъ какимъ-то предпріимчивымъ спекулянтамъ, съ платою впередъ за каждый годъ по 100 тыс. руб. Отъ этой операціи онъ былъ въ большомъ восторгѣ и нерѣдко говорилъ, что вотъ теперь-то онъ точно будетъ графъ, получая крупный доходъ. Эти господа оказались, однако, просто аферистами: они за первый годъ точно заплатили ему впередъ 50 тыс. руб., которыя онъ не преминулъ въ скоромъ времени бросить все въ ту же бездонную бочку—свое отъ нечего дѣлать заведенное хозяйство,—а на другой годъ отказались отъ аренды и создали еще хлопотливый судебный процессъ для расторженія контракта.

Нужно замѣтить, что графиня не только не сочувствовала затѣямъ графа, но даже была ими очень недовольна, отчего и на хуторѣ, кажется, никогда не бывала.

Всѣ эти обстоятельства поставили графиню Александру Александровну въ необходимость завѣщанное ей имѣніе за Кубанью, съ нефтяными источниками, продать за 250,000 руб. Изъ этой суммы она уплатила банковый и всѣ частные долги, какъ выше сказано, въ количествѣ 150,000 руб., выдала по завѣщанію

сестрамъ графа 30,000 руб., постановка памятника обошлась 15,000 руб., собственныхъ долговъ заплатила 10,000 руб., осталось у ней отъ этого имѣнія 45,000 руб. Этотъ счетъ печатается здѣсь мною по желанію графини А. А. Евдокимовой. Сверхъ того, графинѣ назначена половинная пенсія за службу мужа ея, въ количествѣ пяти тысячъ руб. въ годъ.

Все это факты достовѣрные, не подлежащіе сомнѣнію. Нашлись, конечно, досужіе люди,—безъ нихъ вѣдь нигдѣ нельзя обойтись,—утверждавшіе, что всѣ эти долги суть не болѣе, какъ маска. Но графъ Н. И. Евдокимовъ былъ вовсе не такой человѣкъ, чтобъ надѣвать, а еще менѣе носить маску, при нѣкоторомъ невольномъ униженіи въ роли заемщика, тѣмъ болѣе, что если у него и были какія-либо сбереженія, сдѣланныя на службѣ, то ими онъ могъ располагать какъ собственностію, по своему усмотрѣнію, безъ всякаго опасенія.

Недоволенъ г. Зиссерманъ и прекраснымъ памятникомъ, поставленнымъ на могилѣ графа его супругою. Какъ лютеранинъ, онъ, конечно, не понимаетъ, что такіе именно памятники и ставятся на могилахъ всѣхъ православныхъ людей, по духу смиренія и по обычаямъ православной вѣры. Памятники же въ формѣ бронзоваго бюста ставить у насъ не въ обычаѣ. Если они и ставятся въ такой формѣ иногда монархамъ или полководцамъ, государственнымъ людямъ, знаменитымъ писателямъ, художникамъ и артистамъ, то такіе памятники далеко не всегда воздвигаются на могилахъ тѣхъ лицъ, для которыхъ они дѣлаются, а большею частію въ мѣстахъ общественныхъ и значительныхъ, на виду у всѣхъ, какъ выраженіе обще-государственнаго почета и признательности къ заслугамъ и талантамъ такихъ лицъ.

Князю А. И. Барятинскому и графу Н. И. Евдокимову, какъ историческимъ дѣятелямъ на Кавказѣ, такихъ памятниковъ еще не поставлено, хотя, казалось бы, и пора объ этомъ подумать... Но что они будутъ поставлены, рано или поздно, благодарною Россіей, въ томъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Иванъ Сем. Кравцовъ.

25-го іюля 1885 года,
г. Баталпашинскъ, Кубанской области.
